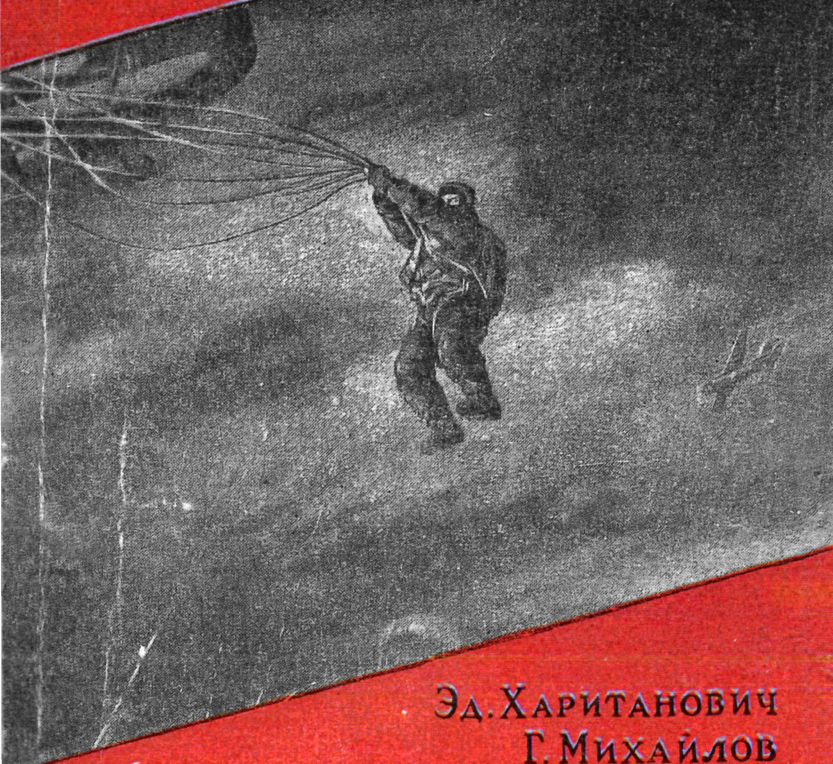

209
Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

Эд. Хаританович
Г. Михайлов

Операция № 6

БИБЛИОТЕЧКА   ВОЕННЫХ   ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Эд. Хаританович, Г. Михайлов

О П Е Р А Ц И Я
№ 6

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
Москва — 1951

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 53, Орликов переулок, 3, Управление Военного Издательства.

ПРОЛОГ

Внезапно загудел зуммер. Вспыхнули лампочки накала: Москва требовала приема.

В землянке сразу стало тихо. Вверху густел, наслаиваясь, серый махорочный дым — это курил свою объемистую трубку комиссар Чернопятков; командир партизанского отряда Птицын — человек с окладистой пышной бородой, вытянув шею, прислушивался к мерному стуку ключа. И Вера, радистка отряда, с блокнотом и карандашом в руках приготовилась принять дорогие слова далекой и светлой, как радость, столицы.

А над крышей землянки верховодила непогода. Закурилась, задымила поземка, и вскоре нельзя уже было разглядеть, где земля, где небо: загуляла, закружилась снежная сумятица, огромные белые смерчи помчались по лесным полянам. Они сталкивались с деревьями, ломались и падали, рассыпаясь студеными затвердевшими брызгами.

Казалось, это бьются сказочные богатыри, сшибаясь друг с другом, поднимаются и опять идут на битву. И не день сейчас, и не ночь: пало на землю мутное, воющее безвременье, замета-

лась кутерьма, подхватила лес и поволокла его неведомо куда.

Гнулись и стонали деревья.

Но здесь, в землянке, было тихо и даже уютно; тускло горела плашка, раскидывая по стенам, по потолку и полу причудливые тени; ритмично постукивал ключ рации, тихо и умиротворенно гудел зуммер.

Когда было расшифровано последнее слово, Птицын прочел:

«Для проведения операции № 6 в расположение вашего отряда прибудет офицер Советской Армии с конспиративной кличкой «товарищ Степной», которая и явится для вас паролем. На все время операции ваш отряд поступает под общее командование «товарища Степного».

О времени его прибытия, а также все дальнейшие указания будут даны позднее на волне 17,2».

— Операция № 6? — недоуменно проговорил Птицын. — Что это такое? И зачем нам еще какой-то «Степной»?

— Если 6 Москва сочла нужным расшифровать, она бы сделала это сейчас, — ответил комиссар Чернопяттов, посасывая трубку. — Так что, Федор Кузьмич, удовлетворишься тем, что слышал, и потерпи. В неизвестности долго не останемся... А ты, Верочка, — повернулся он к девушке-радикте, — не отходи пока от аппарата, и как только Москва опять запросит приема, разыщи сейчас же меня или Федора Кузьмича...

Он поднялся, выбил золу из трубки и, надвинув поглубже на голову заячий треух, сказал:

— А пока, как говорится, суть да дело, пойдем, командир, проверим посты... Не то шурга, как ее именуют степняки, такая, что, того и гля-

ди, поднимет наш дозор без крыльев к самому поднебесью.

— Степняки... Степной... поступает под общее командование, — недовольно ворчал Птицын, потуже затягивая ремнем полушубок. — Ах, раздери его курица!..

Комиссар и командир вышли из землянки. На поляне хороводила метелица. Было одно — не-удержимое движение ветра, холода, колючего снега.

Стонали, нагибаясь, деревья.

Сквозь плотный, студеный заслон пробивались два человека, шли, полусогнувшись, как будто волокли за собой тяжело груженные сани.

Вокруг металась гулливая пурга.

— Стой! Кто идет? — слышалось вдруг откуда-то из клочущей мутной мглы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЫЖОК В НОЧЬ

1

Мгла начала рассеиваться. Майор Рогов посмотрел вниз. Да, метели уже не было. Только там, где-то у самой земли, кажется, еще клубился туман, здесь же лишь рваные белесые его космы цеплялись за крылья воздушного корабля.

Это было хорошо. Густой туман укроет парашютистов от зорких, настороженных глаз врага.

Это было и плохо. В тумане трудно будет быстро найти друг друга после приземления и соединиться в единый боевой отряд.

Хорошо и плохо. Рогов невольно улыбнулся: вот она диалектика войны!

Он окинул взглядом десять своих десантников, сидящих у бортов самолета. Остальные десять находились на другом корабле, который летел где-то поблизости.

Всего час тому назад они поднялись с прифронтового аэродрома и вылетели во вражеский тыл.

Взгляд Рогова скользил по лицам своих боевых товарищей. Вот лейтенант Остап Кравчук — кряжистый, широкоплечий украинец, до войны работавший бригадиром тракторной бригады в

одной из Винницких МТС. Кравчук успел отрастить себе пышные «козацкие усы» и, как ему казалось, был теперь схож со своим тезкой — запорожцем Остапом из повести Гоголя «Тарас Бульба».

А вот москвич Андрей Зеленцов — радист десантной группы — стройный юноша, студент-математик 3-го курса, отправившийся на фронт добровольцем. Рядом с ним сидел его закадычный друг Сандро Гапаридзе, юноша с черными живыми глазами и коротко подстриженными усами. Сандро был родом из Мингрелии и незадолго до войны закончил агрономический техникум в Тбилиси.

Напротив Гапаридзе, у противоположного борта, помещался волжанин Федя Камнев — крепыш небольшого роста, про которого товарищи шутя говорили, что «Камнев из камня может выжать литр воды».

И в самом деле, Федя Камнев без особого напряжения сил мог согнуть руками стальной шкворень, а однажды, во время атаки, ударом кулака в висок насмерть уложил немца.

А вот Ступенькин, Мокрецов, Шорохов, Шелест... И на втором воздушном корабле было тоже десять боевых друзей, крепко спаянных нерушимым товариществом, беззаветной любовью к своей Родине.

И двадцать первым был он, майор Рогов, командир этой десантной группы, вылетевшей в тыл врага.

Из разных мест пришли они по первому зову Родины — из Заполярья и с голубых гор Грузии; из Полесья и приамурской тайги; иные еще недавно вдыхали медовый запах степей Украины,

другие пришли от суровых и угрюмых скал Карелии; были здесь жители Черноморья и сухих песков Средней Азии, предгорий Тянь-Шаня и равнин Прибалтики.

2

Еще вчера никто из двадцати десантников не предполагал, что только несколько часов отделяет их от опасной и сложной боевой операции в глубоком вражеском тылу. Но зато сейчас все знали: несколько минут осталось им провести в кабине самолета.

А потом... потом прыжок в ночь, в клубящийся холодный туман. Что ожидало каждого там, внизу? Неизвестность начиналась сразу, с приземления.

Ясно было одно: там сразу же потребуется от каждого самостоятельность действия, максимальная выдержка и суровое мужество.

Рогов посмотрел на часы. Было без трех минут два.

Мотор самолета рокотал ровно, ритмично, мимо плоскостей часто проносились рваные клочки тумана. Через окно в мгlistом сумраке смутно виднелся второй воздушный корабль с остальными десятью десантниками под командованием сержанта Хохлова.

Но вот Рогов различил, наконец, в мерном рокоте мотора иные звуки и понял: самолет, описывая дугу, пошел на снижение. Он не ошибся. Спустя несколько секунд послышался голос штурмана:

— Делаем разворот. Через пять минут выйдем...

— Какая высота? — спросил Рогов и почувствовал сухость во рту — признак волнения.

— 950 метров, — ответил штурман.

Рогов знал, что самолеты должны будут опускаться большую дугу, чтобы снизиться до 500—600 метров и непременно оказаться против ветра — условие, при котором происходит сбрасывание парашютистов.

В это время опять послышался голос штурмана:

— Высота 600 метров. Со второго корабля уже началась выброска...

Майор повернулся к десантникам, еще раз окидывая их пристальным, изучающим взглядом. Все они казались неуклюжими, грузными в своих теплых меховых куртках, с грузом вооружения и парашютами за спиной и на груди.

Наконец, была подана команда:

— Всем продеть руки в резинки, взяться за кольца!

Приказание было выполнено: каждый парашютист продел правую руку в резинку, прикрепленную к кольцу. Так рука оказывалась «соединенной» с кольцом. Это устраняло опасность не найти кольца сразу же после прыжка. А на такой высоте каждая секунда промедления абсолютно недопустима.

— Лейтенант Кравчук, за мной! — вновь скомандовал майор и направился к дверям.

За спиной Кравчука выстроились девять десантников, ожидая последней команды.

— Лейтенант Кравчук, — негромко произнес Рогов. — В бою всякое бывает... Поэтому, если со мной что-нибудь случится, команду отрядом принимаете вы... Сразу же после приземления

собирайте людей и немедленно уходите, чтобы враг не смог застать вас на месте выброса... Вам, Зеленцов, надлежит тут же связаться с нашим командованием и сообщить о приземлении в районе высоты 157,2. Затем вы свяжетесь с командованием партизанского отряда товарища П., с которым отныне мы будем действовать сообща, и, сориентировавшись, укажете координаты сброшенного десанта... Пароль и отзыв вам известны. Все, товарищи...

Сбрасывание парашютистов должно было занять всего несколько секунд. Это необходимо для того, чтобы люди не разлетались далеко друг от друга и тем самым не увеличилось бы время их сбора в боевую единицу.

Наступила короткая и торжественная тишина, всегда предшествующая выброске. Парашютисты стояли, как в строю, ожидая последней команды.

И все же каждый невольно вздрогнул (Рогов это понял по той легкой дрожи, которая на мгновение потрясла его тело), когда завывла сирена: это был условный сигнал «приготовиться».

Рогов распахнул дверь. Струя резкого студеного воздуха, как хлыстом, ударила по лицу.

— При отделении от самолета не задерживайтесь... Как только почувствуете себя в воздухе, парашюты открывайте сразу, — отдавал Рогов последние наставления.

В этот миг раздались короткие прерывистые звуки сирены: прыгать!

— Пошел! — отрывисто скомандовал Рогов, и лейтенант Кравчук, сделав шаг вперед, сразу провалился в мутную и ледяную пустоту.

— Быстрей! Быстрей! — торопил майор, и десантники один за другим падали, как в пропасть, в холодную мглу.

Наконец, легонько подтолкнув последнего бойца, Рогов сделал шаг вперед, за дверь, но тут произошло нечто непостижимое: вместо ледяной, захватывающей дыхание бездны он внезапно очутился у противоположного борта самолета. Его швырнуло туда с такой силой, что он, ударившись головой об угол скамьи, почувствовал головокружение. В ту же секунду он увидел, что дверь самолета стремительно рванулась кверху, а в ее пролете вдруг засверкали яркие блески, послышался сухой и частый треск.

«Самолет накренился на бок», — мелькнула мысль, и тут же другая: «Скорее вниз!»

Рогов поспешно встал. Когда самолет вновь выравнился, майор стремительно рванулся к двери и прыгнул.

И опять произошло нечто непостижимое: не успел он дернуть кольцо, как ощутил резкий, знакомый толчок открывшегося парашюта.

«Что за черт! Автоматически он открылся, что ли?» — подумал Рогов и глянул вверх.

Но странное дело: вместо купола он увидел над собой самолет, к стабилизатору которого тянулись стропы его парашюта.

А под ним плавно снижались его десантники: их силуэты смутно виднелись на фоне густой черноты.

Сомнений больше не было: парашют Рогова зацепился за хвост самолета.

Не успел майор еще как следует осознать случившуюся катастрофу, как где-то рядом раздался сухой треск, сверкающие трассы пуль или снаря-

дов устремились к самолету. Корабль, видимо, был обнаружен вражеским истребителем.

Но мысль о собственной опасности была заглушена тревогой за судьбу товарищей: фашистский пилот, пустив несколько очередей по самолету, может ринуться вниз, чтобы расстрелять приземлявшихся парашютистов.

«Успеют ли они достичь земли раньше, чем «мессер» их обнаружит и начнет расстреливать?» — сейчас это было самое важное.

И Рогов смотрел вниз, а не вверх.

Парашютов десантников уже не было видно.

«Мессершмитт» гудел где-то в стороне, повидимому, готовясь к новой атаке на самолет.

Рогов вздохнул с облегчением.

Теперь он мог трезво оценить свое положение. Но взглянув вверх, майор почувствовал, как холодок пробежал по его спине: из-под правого мотора самолета вырвались острые языки пламени.

— Поджег-таки, стервец,— пробормотал Рогов. — Ну, теперь, кажется, все, майор Рогов... Можете проститься с жизнью...

И это было так. Жизнь майора Рогова висела на волоске: горящий самолет мог взорваться каждую минуту, а перерезать стропы парашюта — дело далеко не легкое. Была и другая опасность, пожалуй, наиболее серьезная: «мессер» уже заходил для очередной атаки, и его пули могли прошить Рогова.

Он уже слышал над головой завывание вражеского самолета.

— «Ну, конец», — подумал Рогов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЕРР КАЧКЕ

1

Полковник Курт Амедей фон Качке — начальник немецкого гарнизона города Сухова — был высокий, сухощавый и длинноносый человек с черными, маленькими, как у хорька, и посаженными близко друг от друга глазами. Эти глаза в своих узких и глубоких лунках бегали быстро, ни на чем подолгу не останавливаясь.

Дурная и страшная слава шла о нем. Окрестные жители прозвали его хорем — и за его узко посаженные бегающие глаза, и за рыжеватый, как у хорька, цвет волос на его голове, похожих на смазанную жиром шерсть, и за то, что своими хватками он был подстать этому хищному зверьку: всегда нападал тихо, внезапно, оставляя после себя кровь и смерть.

Курт Амедей фон Качке часто говаривал в своем кругу, что в дальние времена его предки сражались с войсками Ивана Грозного и были разбиты. Теперь ему, потомку ливонских рыцарей, настала пора рассчитаться за все. Он истребит русское племя, оставив только тех, кто станет

работать на полях его поместий, где-нибудь на самых плодородных землях Украины и Дона.

В это раннее утро полковник Качке сидел за большим письменным столом, разделанным под мореный дуб, и его бегающие глаза шарили по карте во всех направлениях. Он намечал очередную карательную операцию против партизан в районе квадрата «Марс-6».

Карта, лежащая перед полковником, была аккуратно разграфлена на равные квадраты. Каждый квадрат имел свое астрономическое или зоологическое имя — «Юпитер-2», «Луна-4», «Сатурн-10», «Тигр-1», «Волк-3», «Барс-8» и т. д.

Эти названия квадратов обширного района, где оперировали партизаны, полковник Качке придумал сам и в высшей степени гордился столь звучными и загадочными именами.

Занятый старательным вычерчиванием жирных стрел, вонзающихся в квадрат «Марс-6» из города Сухова, фон Качке был страшно рассержен внезапным и стремительным вторжением в кабинет своего адъютанта Гуго Вальтера.

Но, остановив свои бегающие глаза на взволнованном лице адъютанта, он понял: произошло что-то очень важное.

Между тем, Гуго Вальтер щелкнул каблуками, пригладил свои редкие белесые волосы, расчесанные на пробор, с плешинкой на темени и, шагнув к столу начальника гарнизона, отрапортовал тонким, срывающимся тенорком:

— Господин полковник, по сообщению из штаба соединения, в районе квадратов «Сатурн-10» — «Волк-3» выброшен с трех кораблей большой десант русских.

С этими словами он протянул полковнику радиограмму.

Курт Амедей фон Качке сдержал готовое сорваться с его губ взволнованное восклицание и молча начал бегать глазами по карте, в поисках этих квадратов.

Гуго Вальтер, наклонившись над столом, то-ропливо проговорил:

— Позволю себе заметить, господин полковник, это здесь...

И его мизинец с длинным конусообразным ногтем ткнулся в карту.

Фон Качке остановил свои глаза на мизинце адъютанта, потом поднял голову и с тревогой произнес:

— Но это всего в 10—12 километрах от нас!?

— Так точно, господин полковник... В 10 километрах, — подтвердил Вальтер, щелкнув кабелями.

— Черт возьми, лейтенант, — пробормотал Качке. — Положение серьезное...

— Позволю себе заметить, господин полковник, настолько серьезное, что его превосходительство генерал-майор Зитц нашел целесообразным немедленно пополнить наш гарнизон двумя батальонами войск СС, а вам, господин полковник, он предписывает усилить охрану бензобашен. По мнению его превосходительства, десант высажен с целью диверсии против наших бензобашен, питающих горючим всю армейскую группировку, действующую на этом участке восточного фронта.

Гуго Вальтер облизал пересохшие губы и поспешно продолжал:

— Его превосходительство в только что переданной депеше просит вас, господин полковник,

принять немедленные меры для ликвидации десанта и доложить об успешной операции... через три дня, господин полковник.

— Три дня,— заворчал недовольный Качке.— Кстати, лейтенант, откуда стало известно его превосходительству о выброске десанта в квадратах «Сатурн — Волк»?

— По донесению летчика Краузе, господин полковник! Тот барражировал ночью в районе названных квадратов и натолкнулся на три воздушных корабля русских. Летчик Краузе немедленно вступил в бой и поджег один корабль, который весь в пламени рухнул вниз. С этого корабля не спаслось ни одного человека. Второй ему удалось подбить, но с третьего выброска десанта произошла почти без помех. Поэтому, по мнению Краузе, приземлилось по крайней мере полсотни русских.

— Удвойте это количество, лейтенант, — с ехидной улыбкой проговорил Качке.— Ибо летчик Краузе в погоне за наградой, несомненно, преувеличил потери противника... Я сомневаюсь, — полковник на мгновение вонзил свой взгляд в адъютанта, — я сомневаюсь, лейтенант, что Краузе удалось уничтожить хотя бы один самолет русских. А поэтому, Вальтер, будем считать, что все десантники преблагополучно приземлились, и мы не ошибемся.

Он помолчал, продолжая обшаривать карту глазами и по временам бросая взгляды на радиограмму, потом опять заговорил:

— Нам следует, прежде всего, установить местонахождение десанта в настоящее время и его численность. Для этой цели пошлите Кирьяка... Черт возьми, он обязан искупить свою прежнюю

вину — неудавшуюся операцию по уничтожению партизанского отряда. Только успешный разгром десанта поможет Кирьяку вернуть ему мое расположение... В противном случае, лучше бы ему не родиться, Вальтер... Слышите? Я говорю: лучше бы ему не родиться...

Бегающие черные бусинки глаз полковника на мгновение остановились на лейтенанте и было в них столько холодной жестокости, что Гуго Вальтер почувствовал приступ озноба. И по мере того, как полковник смотрел на своего адъютанта, белки его глаз набухали кровью — признак бешенства.

— Так и передайте ему, Гуго, — проговорил Качке и вновь начал бегать глазами по карте.

— Я немедленно передам ему ваши слова, господин полковник, — поспешил заявить адъютант. — Прошу также сообщить час, когда вы сможете принять Кирьяка?

— Я приму его только после успешно проведенной им разведки, — ответил Качке. — Раньше он мне не нужен, этот Кирьяк. А задача ясна: установить местонахождение десанта, его численность и немедленно радировать мне. Все...

— Разрешите, господин полковник, задать один вопрос? — несмело произнес Вальтер.

— Разрешаю, — буркнул Качке.

— Кого бы вы, господин полковник, сочли нужным послать в разведку вместе с Кирьяком?

— Никого! — резко ответил Курт Амедей фон Качке. — Пусть отправляется один... А вам, лейтенант, следовало бы уже усвоить мой метод и не задавать дурацких вопросов. Неужели вы не понимаете, что чем меньше людей в этом деле, тем лучше... Один Кирьяк сможет при встрече

с десантниками войти к ним в доверие, скажем, в качестве проводника. Тогда как несколько человек сразу возбудят подозрение и тем самым упадет возможность войти в тесное соприкосновение с противником... Понятно? Это очень тонкая операция, Вальтер, и нужно действовать тонко...

Полковник Курт Амедей фон Качке считал себя непревзойденным мастером по осуществлению тонких операций — операций внезапных, втихомолку, и потому наиболее радикальных.

— Там, где нельзя взять силой, — часто поучал он своих подчиненных, — нужно брать хитростью, применяя и лесть, и подкуп... Метод тонких обходных маневров иной раз бывает значительно эффективнее прямых действий.

— В данном случае, — развивал он свою мысль перед адъютантом, — бессмысленно в район огромной площади направить сразу на поиски десанта крупную войсковую часть, — заметив преследование, десантники быстро рассеются по лесу, — и конец. Другое дело тонкий, обходный маневр. Ничего не подозревающая группа русских, имея в своей среде нашего соглядатая или, во всяком случае, находясь под зорким его наблюдением, немедленно очутится в наших руках. Мы сможем контролировать каждый их шаг... Короче, лейтенант: Кирьяк отправляется немедленно с тем, чтобы к ночи у меня были все необходимые данные о русских. А утром я раздаю их, как... как цыплят.

Он подумал и продолжал:

— Кроме того, отправьте для этой же цели еще двух наших солдат, которые превосходно владеют русским языком... Ну, хотя бы братьев Мюллер, уроженцев Западной Белоруссии. Само

собой разумеется, Вальтер, они должны быть соответственно одеты.— в тулуп, валенки... Ну, вы сами знаете, как лучше... Но не в помощь Кирьяку. Каждый из них станет действовать самостоятельно под видом партизан, посланных для встречи десантников... И если кто-нибудь из них встретит разрозненные группы русских или одиночек, пусть он проводит их в Болдырево. А туда я немедленно пошлю своих людей... Это первое, Вальтер... Второе: когда придут два батальона войск СС, прикажите разместить их в наиболее удобных квартирах. А сейчас усильте охрану бензобашен: их взрыв — катастрофа для всей армейской группировки этого участка фронта. Поставьте пока на охрану взвод полевой жандармерии... Все... Можете идти. Впрочем, еще вот что: вызовите ко мне Акселя Рихтера...

— Позволю себе заметить, господин полковник,— несмело проговорил адъютант,— что опасность взрыва в данную минуту весьма проблематична: десант сброшен не больше пяти часов тому назад, и он не сможет немедленно произвести диверсию.

— Черт возьми. лейтенант! — зарычал Качке.— Опасность станет проблематичной, когда десант будет уничтожен. Слышите, Вальтер? Уничтожен! — повторил он, скандируя это слово по складам. — Вы, кажется, забыли, что русские приземлились всего в 10 километрах от города... В 10 километрах! — повторил он, и глаза его тревожно начали бегать по карте, по стенам кабинета, по лицу адъютанта, по окнам...

На окнах глаза полковника на мгновение остановились, судорога свела его губы в гримасу, и он зашипел, сжав челюсти:

— Неужели до сих пор еще не готовы чугунные решетки на окна?

— Никак нет, господин полковник... то есть да, господин полковник, но все отлитые для вас решетки перехватил его превосходительство генерал фон Зитц для укрепления своей резиденции... И для вас, господин полковник, отливаются сейчас новые...

— Немедленно форсируйте заказ, Вальтер. Позвоните по телефону и потребуйте срочного выполнения...

— Позволю себе заметить, господин полковник,— поклонился Вальтер.— Я звонил сегодня утром и получил заверение, что решетки будут готовы к полудню послезавтра... Если... если только...

— Что — если? — привскочил Качке.— Никаких «если», адъютант!..

— Я хотел сказать, если их не перехватит еще кто-нибудь... Например... например, начальник штаба его превосходительства, который, по примеру своего шефа, хочет укрепить окна личной квартиры.

— Ах, черт возьми, Вальтер! — тоскливо замычал Качке.— Там они только и думают о себе, забывая, что мы здесь, на передовой... На передовой линии огня, Вальтер...

— Так точно, господин полковник! — щелкнув каблуками, подтвердил адъютант.— Они там все время находятся под охраной дивизий, переправляющихся на фронт, и им, в сущности, не грозит никакая опасность... Тогда, как нам...

— Вы верите в бога, Вальтер? — вдруг, перебив своего адъютанта, спросил Качке.

Растерянность расплылась по бледному, художничному лицу Гуго Вальтера.

— Не могу сказать, господин полковник... так как не знаю последних директив доктора Геббельса, должен ли в настоящее время истинный немец верить в бога или только в своего фюрера? Извините, господин полковник, от вас я тоже не получал никаких распоряжений на этот счет... Может быть... может быть, господин полковник имеет специальные указания, в таком случае я...

— Вы — осел, Вальтер, — с презрением проговорил полковник Качке.— К тому же осел, возведенный в двадцатую степень...

— Так точно, господин полковник, — пролепетал бледный, трясущийся адъютант.

— Идите, исполняйте мои приказы! Когда Кирьяк и наши «проводники» отправятся в разведку, сообщите мне... Все!

Гуго Вальтер щелкнул каблуками, пригладил свои жиденькие, взмокшие от пота волосы и поспешно вышел из кабинета.

2

Федор Кузьмич Птицын или «товарищ П.», как его именовали в сводках Совинформбюро, настороженно вслушивался в мерный стук ключа рации.

Старый чекист, ученик Дзержинского, прославленный кавалерийский комдив во время перекопского рейда, Федор Птицын накануне войны работал директором конного завода, из стен которого выходили и первоклассные рысистые скакуны, и тяжеловозы.

Война сразу изменила его жизнь: вместе с Федором Никитичем Чернопятовым — секретарем райкома партии — они организовали небольшой партизанский отряд и ушли с ним в глухие леса.

Отряд постепенно разрастался: в него влились некоторые бойцы и офицеры, выходившие из окружения, и жители из окрестных районов, бежавшие от фашистского засилья.

Одним словом, партизанская семья росла и росла, и надо было позаботиться о многом: и о детских яслях, и о пище, и о медицинском обслуживании, и о вооружении.

Вскоре захватчики начали ощущать присутствие отряда Птицына: взрывались на минах колонны автомашин с пехотой, направляющиеся к фронту, и эшелоны на железных дорогах; рушились мосты и склады с боеприпасами; часто бесследно пропадали наиболее свирепые мучители крестьян. Совсем недавно был схвачен и казнен староста села Болдырева, а с ним разделил его участь штурмбанфюрер Шпигель — организатор специальной пыточной камеры.

Курт Амедей фон Качке вскоре уразумел трагическую истину: во-первых, что тыл — понятие в высшей степени относительное; во-вторых, что пришитая к Третьему Райху оккупированная территория на Востоке действительно только на немецких географических картах, изготовленных ведомством доктора Розенберга — «министра восточных областей». Практически же эта территория ограничивалась наиболее крупными городами и железнодорожными линиями, в остальные же пункты ни фон Качке, ни генерал-майор Зитц не смели сунуть даже носа, из опасения, что парти-

занский крючок вонзится им в ноздри и потянет в таинственную глубину леса.

Короче: полковник Курт Амедей фон Качке, потомок ливонских рыцарей, понял силу отрядов некоего «товарища П.» и старался в меру сил своих отгородиться от внешнего беспокойного мира чугунными решетками.

Он даже соорудил себе кольчатую кольчугу, которая, как он полагал, защитит его от внезапного удара кинжалом, а быть может, и от партизанской пули, как уверял его брюссельский кольчугоделатель мосье Дизье...

«Черт подери! Совсем другое дело нести службу в захваченных областях Франции, в Бельгии, в Голландии, в Норвегии — там есть свои пэтены, свои квислинги, которые всеми силами защищают своих господ. Правда, там тоже есть партизаны, но разве столько их, сколько здесь?»

Берлин обещал полковнику Качке перевести его на более легкую службу, в Бургундию, но лишь после того, как господин полковник разделяется с партизанами этого таинственного «товарища П.».

Разделается? Как бы не так! Это не орехи щелкать в рождественский сочельник, принесенные Санта-Клаусом. Не один раз полковник Курт Амедей фон Качке снаряжал экспедиции против этого неведомого и невидимого «товарища П.», не один раз в своих реляциях на имя генерал-майора фон Зитца он разделялся с отрядами «товарища П.», но партизаны, на некоторое время затаившись, вновь обрушивали свои удары, отодвигая вождеденный для фон Качке час службы в благословенной Бургундии.

Вот тогда-то «мастер тонких и обходных маневров» прибег к своему излюбленному методу — он постарался найти среди местных жителей провокаторов, которые за хорошую плату плюс угрозы помогли бы полковнику Качке разгромить этого «товарища П.».

Господин полковник прежде всего остановил свое внимание на Акселе Рихтере, горбатым «холодным» сапожнике, но эта фигура не годилась для «тонких маневров» среди партизан; тогда Курт Амедей фон Качке перевел свой бегающий взгляд на Сергея Кирьякова — Кирьяка, как он его именовал.

Это был молодой парень, не старше 22 лет, до войны работавший телеграфистом на суховском вокзале.

Кирьяк показался господину Качке наиболее приемлемым потому, что тот был, несомненно, человеком беспринципным, карьеристом и стяжателем: по донесению своей разведки, господин полковник знал, что отец Кирьяка до 1918 года владел сыроваренным заводом и в том же году был расстрелян красными за связь с немецкими интервентами на Украине. Тем не менее сын, карьеры и стяжательства ради, записался в комсомол, скрыв свое неблагоприятное прошлое.

Такой человек мог оказаться прекрасным помощником господина фон Качке в его неустанной борьбе с этим загадочным «товарищем П.».

— Превосходный экземпляр, — пробормотал полковник, ознакомившись с донесением разведки. — Доставить ко мне этого Кирьяка!..

Так Сергей Кирьяков, телеграфист станции Сухов, оказавшийся ярым и непоколебимым сторонником немцев, ненавидящий советскую власть

за расправу над отцом, отдал себя в полное распоряжение начальника гарнизона. За это тот посулил ему крупное вознаграждение, но Кирьяков наотрез отказался.

— Я помогаю вам во имя идеи, герр Качке,— заявил он. — Никакое золото не воскресит мне моего отца и никакая истинная идея не оплачивается золотом.

«О, эта славянская душа», — с легким оттенком презрения подумал Качке, а вслух произнес:

— Это есть хорошо, очень хорошо, герр Кирьяк... Зеер гут... Мы будем находить возможность отметить ваше усердие другим, более тонким способом... Сейчас мы не будем затрагивать... как это?.. — вашей меркантильности. Нихт вар? ¹

Вскоре Кирьяков был снова вызван к Качке. Он получил задание установить местонахождение отряда «этого неизвестного товарища П.», чтобы затем господин Качке смог бы с ним разделаться — нихт вар? — самым решительным образом.

Кирьяк с горящими глазами заявил, что он этого только и ждал, и отправился на выполнение задания.

Вскоре полковник получил срочную радиogramму от Кирьяка и двинул в район квадратов «Луна-6» — «Юпитер-4» батальон пехоты при трех орудиях и одном среднем танке.

Как случилось, что батальон попал в засаду и почти полностью был истреблен, объяснить трудно. Кирьяк утверждал, что всему виной — болтливый командир батальона капитан Дитмар, который на каждом шагу распространялся о своей карательной экспедиции, похваляясь, что

---

¹ Нихт вар — понятно, не так ли? (нем.).

притащит на аркане эту «ночную сову П.» и повесит ее на фонарном столбе.

Повидимому, это и было причиной неудачи батальона. Допросить капитана Дитмара было невозможно — он погиб вместе со своим батальоном. Правда, солдаты, оставшиеся в живых, подтвердили, что их капитан, действительно, открыто хвастался разгромить партизан, и полковнику фон Качке пришлось удовлетвориться этим объяснением. Но он поклялся, что даст Кирьяку новое опасное задание, чтобы тот исправил свою неудачу по разгрому партизанского отряда. У Курта Амедей фон Качке хватка была бульдожья: он не отступал, пока дело не завершилось в его пользу.

Об этой хватке знал и командир отряда Птицын. Курт Амедей фон Качке в состоянии был погубить десять батальонов, но добиться своего.

— Он упрям, как сотня буйволов, Федор Никитич, — сказал Птицын, не переставая прислушиваться к стуку ключа рации. — И нам надо быть осторожными... У нас нет еще таких сил, чтобы противостоять вражьему натиску... Иной раз по тактическим соображениям не худо сделать шаг назад, чтобы потом сразу двинуться на несколько шагов вперед.

Комиссар Чернопятков кивнул головой и хотел было добавить, что сейчас сделать это невозможно по причине скорого прибытия «товарища Степного» с заданием № 6, но сказать не успел: Вера произнесла взволнованным голосом:

— Москва требует приема, Федор Кузьмич...

Москва... Хмурое лицо Птицына внезапно прояснилось.

— Давай, давай, Вера! Принимай, милая!..

Ровно гудел зуммер. Над землянкой проносились порывы холодного ветра, падали крупные капли дождя, перемежаясь со снежными хлопьями. Серый рассвет медленно просачивался сквозь густую зелень хвойных деревьев, окружавших землянку командира и комиссара партизанского отряда.

Колеблясь, тихо потрескивал плавающий в плошке фитилек, и причудливые тени шныряли по стенам, по полу, взбирались на низко нависший потолок.

Радистка Вера Холодова настороженно вслушивалась в ритмичный стук ключа и быстро записывала радиограмму на листе бумаги.

Чернопятнов набивал свою вместительную трубку махоркой, и вскоре густой сизый дым стал пластами наслаиваться в воздухе.

Передача была короткой. Москва сообщала, что сегодня в два часа семь минут в районе высоты 157,2 высадился воздушный десант для проведения операции № 6, который следует встретить и препроводить в расположение партизанского лагеря.

«Что же касается «товарища Степного», о котором упоминалось в предыдущей радиограмме,— говорила дальше Москва,— то о нем будет сообщено в свое время».

— Опять «Степной» и опять «в свое время»,— заворчал Птицын,— кто же этот загадочный «товарищ Степной», дери его курица? Где он? Почему его нет в десанте? Наконец, скажи мне, Федор: имеет ли отношение к десанту этот «товарищ Степной» или он будет действовать самостоятельно, а десантники сброшены для другой операции? Откровенно говоря, ничего не

понимаю... Впрочем, для нас теперь ясно одно — будем выполнять приказ Москвы!

Насупив свои мохнатые, густые брови, Птицын поднялся из-за стола и вышел в серый сумрак рассвета.

— Найда! — слышался его голос. — Снаряды две группы и отправь их в район высоты 157,2 для встречи сброшенных там десантников. С первой группой отправишься сам. Действуй, Алексей! Когда все будет готово, доложи...

Голос Птицына умолк, и Чернопяттов улыбнулся: самолюбивый, но дельный и дисциплинированный командир Федор Кузьмич. Конечно, ему досадно, что в помощь партизанам присылаются силы извне, но он хорошо понимал, что собственных сил пока в его отряде мало.

Чернопяттов сидел и думал, окутывая себя махорочным дымом. Вдруг он расслышал сухой кашель и в густых пластах синеватого дыма с трудом разглядел Веру.

Комиссар спохватился, шагнул к двери и распахнул ее настежь.

— Прости меня, Верушка, — смущенно проговорил он. — Я тебя совсем прокоптил своей махоркой. Ты бы хоть сказала мне, милая...

— Да ведь я, Федор Никитич, и сама-то заметила только сейчас, что у нас, как в коптильне, — сказала Вера улыбаясь.

— Ну, ладно... ты меня одергивай иной раз... Одергивай, без стеснения. Я ведь для перекура и выйти могу, а ты все время у своей рации... Вот, кстати, и опять позывные.

Вера склонилась над рацией.

— Федор Никитич, — тихо и взволнованно произнесла Вера, — нас вызывает «Днепр».

— А-а, — обрадовался комиссар. — Принимай... Принимай, девушка...

3

«Днепр...» Эту кличку каждый партизан произносил с чувством глубокого уважения.

В подполье города Сухова находился их товарищ, партизанский разведчик с кличкой «Днепр», который регулярно передавал из города важнейшие сведения. Но этим все и ограничивалось. Никто никогда его не видел, никто не знал его настоящего имени. Кто он? Молодой человек? Или уже старик? Мужчина или женщина? «Днепр» — это было все, что знали партизаны Птицына.

Кто-то, скрывающийся за этой подпольной кличкой, находясь среди немцев, зорко следил за каждым их шагом, и каждый шаг врагов был известен отряду.

Только командир отряда Птицын и комиссар Чернопяттов знали, кто скрывался под кличкой «Днепр» и что он делал во вражьем стане.

Стремился об этом узнать и полковник Качке, которому партизанский разведчик, скрывающийся где-то поблизости, быть может, даже рядом с резиденцией начальника гарнизона, доставлял неисчислимы неприятности: он часто срывал «тонкие, обходные маневры» господина Курта Амедея фон Качке.

Между тем Вера продолжала принимать радиogramму от «Днепра», который сообщал, что немцам стало известно о парашютном десанте

Советской Армии в районе высоты 157,2 или, по номенклатуре полковника Качке, в районе квадратов «Марс-6» — «Волк-4», полковник предполагает, что парашютистов высадилось около полусотни, с трех воздушных кораблей, как об этом донес летчик Краузе, но для уточнения их численности и для слежки за ними он направил в район приземления несколько своих разведчиков, знающих русский язык и переодетых под местных жителей. Поэтому десантникам следует опасаться случайных встреч в лесу.

После донесения своей разведки полковник намерен сегодня же направить батальон войск СС для разгрома советских парашютистов.

Прочитав сообщение «Днепра», Чернопяттов обратился к Вере:

— Разыщи-ка, девушка, командира. Нужно принимать срочные меры... Молодчина, однако, толковый парень,— проговорил он тихо, про себя.

— Кто это молодчина, Федор Никитич?

— Наш товарищ «Днепр», — с гордостью ответил Чернопяттов. — Однако поспеши, девушка...

Оставшись один, Чернопяттов разложил на столе карту и углубился в ее изучение. Где сейчас находятся десантники? Поскольку выброс произошел под обстрелом, площадь приземления значительно расширилась, а значит, несомненно, что десант разбился на несколько мелких групп. Возможны и одиночки. Это, конечно, усложнит поиски десантников.

«Надо бы не две, а по крайней мере три группы отправить для встречи», — подумал он. и эту мысль изложил перед Птицыным, как только тот вошел в землянку.

Но не куривший Птицын, войдя в землянку, сразу «зашелся» кашлем.

— Однако, Федор, ты бы поменьше курил, что ли? — сказал он, красный от приступов кашля. — Или не такую махорку крепкую. А то — один курит, а пятеро плачут. У Веры вон даже глаза слезятся. Задохнуться можно!..

— Верно, — согласился Чернопяттов. — Самосад крепкий, черт бы его побрал! Бросить курить, что ли?

— Да не бросишь ведь! — махнул рукой Птицын.

— Ну, это уж дудки! — рассмеялся Чернопяттов. — Как это — не брошу? Кто сильнее, потвоему: человек или его привычки?

С этими словами он вынул из кармана кисет и, шагнув к двери, вытряхнул из него махорку.

— Ну, а трубка без табака никому не повредит, — проговорил он, зажимая зубами мундштук, и обернулся к Вере:

— А кисет дарю тебе... ты можешь вышить на нем подходящую монограмму и преподнести молодцу, какой тебе больше понравится.

— Мне никто не нравится, — тихо, с печалью отозвалась девушка, и Чернопяттов понял, что невольно причинил ей боль.

Он знал, что незадолго до войны Вера Холодова сильно увлеклась молодым кудрявым телеграфистом станции Сухов — Сергеем Кирьяковым. Но грянула война, и девушка вдруг узнала, что этот молодой, жизнерадостный и веселый парень оказался предателем.

Она еще кое-как могла бы объяснить предательство Кирьякова трусостью, если бы враг угрозой заставил его служить. Нет, он сразу

предложил себя в распоряжение немцев, без какого бы то ни было нажима с их стороны.

Девушка с отвращением ощущала и сейчас прикосновение горячих губ Сергея к своим губам и его руки, не раз ее обнимавшие.

Кисет Чернопятава и его слова воскресили перед Верой былые дни. Воспоминание было горьким, как полынь, и тяжелым, как гнет. Оно вызвало к тому же чувство жгучего стыда.

Комиссар бросил на девушку теплый взгляд и постарался исправить свою ошибку.

— Впрочем,— сказал он после короткого раздумья,— ты этот кисет, Верушка, побереги для меня: разобьем немцев — опять закурю. Да уж не самосад, а ароматный трубочный табачок «Капитанский», скажем, или грузинский «Рекорд». Одним словом, приятный на запах.

— Табак табаком,— перебил комиссара Птицын,— а дело делом: кого пошлем с третьей группой для встречи партизан?

— Меня! — решительно произнесла Вера с заигравшим на лице румянцем.

— Обойдемся и без тебя,— ответил Птицын,— твое дело, девушка, пока у рации дежурить...

Румянец еще ярче запылал на лице Веры. Ей страстно хотелось пойти навстречу десанникам, но не могла она открыть свое истинное намерение, которое командир высмеял бы, как детское: по донесению «Днепра» было ясно, что Сергей Кирьяков непременно пролезет в ряды десантников под видом проводника от партизан и предаст их. Парень он ловкий и неплохой актер.

Никто, кроме нее, хорошо не знал Кирьякова. А она была уверена, что узнает его, какое бы

обличье он ни принял, какой бы грим ни положил на свое красивое и... и ненавистное ей лицо.

Девушке хотелось решить сразу две задачи — спасти парашютистов и поймать предателя, тем самым раз и навсегда стряхнуть с себя этот тяжелый душевный гнет.

— Я прошу вас, Федор Кузьмич, — настойчиво повторила она. — А у рации может подежурить и Люба, и Петр, да и товарищ комиссар хорошо знает это дело.

Глаза ее так умоляюще остановились на Чернопятове, ища в нем поддержки, что комиссар разгадал причину ее страстной просьбы и обратился к Птицыну:

— Отпусти ее, Федор... У рации, в самом деле, я могу подежурить, если Любу и Петра ты на что-нибудь другое наметил... А?

— Ах, дери вас курица! — пожав плечами, произнес Птицын свое любимое ругательство. — Пусть ее идет, если так хочется... Только вот непонятно мне, зачем это ей понадобилось?

— Спасибо вам, Федор Кузьмич, — горячо откликнулась девушка, — большое спасибо!.. А вот насчет того — зачем, то, — она загадочно и зло улыбнулась сквозь нахмуренные брови, — то для пользы дела нужно...

— Ну, уж ладно, — улыбаясь в густую поросль усов и бороды, сказал Птицын. — Пойдешь с группой Алексея Найды...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОГОВ

1

Рогов продолжал висеть на стропах парашюта, в то время как самолет производил головокружительные виражи, чтобы сбить пламя.

Его с силой отбрасывало в стороны, несколько раз он перевернулся в воздухе. Закружилась голова, но эта воздушная эквилибристика и спасла его от вражеских пуль.

Постепенно он обретал спокойствие и начал методично, не горячась, перерезывать ножом одну стропу за другой.

Наконец, Рогов с радостью увидел, что горящий самолет внезапно рванулся кверху, в темную муть неба. Одновременно он ощутил стремительное падение и дернул кольцо запасного парашюта. Знакомый толчок, и над его головой распустился огромный зонт.

Тем временем самолет продолжал свои виражи, чтобы сбить пламя. Кажется, это ему удалось. Во всяком случае, когда Рогов, приземлившись, глянул вверх, темный силуэт самолета на-

ходился уже далеко к востоку, а «Мессершмитт» уходил в противоположную сторону.

«С донесением, что здесь приземлились русские парашютисты,— подумал Рогов, освобождаясь от парашюта.— Тайное стало явным, черт возьми! А это очень плохо... Положение осложняется...»

Когда он забросил парашют в густые заросли кустарника и огляделся, вокруг лежала мрачная, холодная и неприятная ночь. Слух майора не улавливал ни малейшего звука. Конечно, лейтенант Кравчук был отсюда далеко, и, должно быть, уверен, что командир десантной группы погиб, прошитый пулями вражеского истребителя. Об этом, возможно, он донес и командованию.

Майор невесело улыбнулся. Если он не погиб, то только в результате какого-то чудесного случая. Он избежал и пуль, и огня.

Во всяком случае, он был жив, а значит, следовало жить и действовать. «Кто это сказал: жизнь есть действие?»

Вокруг простирался неведомый, словно бы нахохлившийся, угрюмый лес, весь окутанный густыми хлопьями тумана.

Моросил мелкий студеный дождь, смешанный со снегом. Кроны высоких сосен, темные, разлапистые ели, кое-где белоствольные березы с голыми сучьями, с которых то и дело со звоном падали крупные капли воды,— все это было придавлено тяжелым мокрым снегом, промозглым туманом и темной глухой ночью.

Среди этого безлюдья и черного молчания Рогов остался один.

Один... Впервые Рогов так ясно ощутил свое полное одиночество. Один в таком месте, где за каждым кустом мог таиться враг, где не обратишься с простым вопросом к первому встречному:

«А как, друг, пройти мне в Сухов?»

Когда-то люди говаривали: один в поле не воин. Оказалось совсем не так: можно и должно воевать и одному. В сущности, каждый десантник, сброшенный на парашюте во вражий тыл, становится воином в одиночку, сражается и не без успеха.

«А разведчик, отправляющийся в глубокий поиск? — продолжал размышлять Рогов.— А летчик с подбитого на вражеской территории самолета? Все, все они не складывают оружия, все остаются советскими воинами и дерутся, пока хоть капля крови течет в их жилах...»

Один в окружении врагов... Нет, вокруг здесь и друзья, и их больше, чем врагов... Во сто крат больше.

Продолжая размышлять, Рогов вынул карту из кармана меховой куртки и, осветив ее фонариком, постарался сориентироваться. Это оказалось не легким делом, так как он не мог определить пункт своего приземления.

Рогов прикинул в уме: на стабилизаторе он висел приблизительно три — три с половиной минуты. За это время самолет пролетел не менее 10 километров над лесом к северо-востоку. Следовательно, от своих десантников Рогов находится сейчас километрах в пятнадцати.

Он склонился над картой и увидел отмеченный лес, который был разрезан почти на две равные части шоссейной дорогой.

Все это, конечно, хорошо, но задача не решалась. Где он опустился? Уже за шоссе? Или, быть может, шоссе, как указано на карте, проходит отсюда к юго-западу, и, следовательно, пункт его приземления находится теперь к северо-востоку от шоссе? Хорошо бы встретить какого-нибудь местного жителя и расспросить его.

Но вокруг простирался глухой лес. К тому же, глубокой ночью — было около трех по часам Рогова — трудно встретить в лесу прохожего человека.

Есть не хотелось, но для предстоящего марша нужны были силы, и майор разжег костер, чтобы сварить в котелке пачку концентратов гречневой каши. Поев, он почувствовал себя значительно окрепшим.

Начинался серый и мутный рассвет.

Допустив, что он приземлился к северо-востоку от шоссе, Рогов наметил соответственный маршрут и, потушив костер, двинулся в неведомый путь, ориентируясь по компасу.

Но не прошел он и 2 километров, как в чаще кустарника увидел человека, который, сидя на пне, курил «козью ножку». Махорочный дымок сизыми пластами висел в сером и мутном воздухе, неохотно расплываясь.

«Раненько же парень за дело принялся», — подумал Рогов, и посмотрел на часы — была половина шестого.

На голову незнакомца был надет островерхий заячий треух, на плечах — дубленый полушубок, подпоясанный веревкой, за который засунут то-

пор. Из под труха выбивались пышные курчавые волосы цвета соломы; живые глаза, чуть сощурясь, задумчиво глядели куда-то вдаль. Возле него лежало несколько срубленных молодых берез.

По всей видимости, это был житель какой-то деревни, находящейся поблизости, который пришел в лес за дровами.

Рогов обрадовался этой неожиданной встрече: представилась возможность расспросить дровосека о своем местонахождении.

Не замеченный незнакомцем, Рогов рассматривал его с большим вниманием.

Дровосек был молод, пожалуй, ему не исполнилось еще и 25 лет. Но кто он? Друг? Недруг?..

Рогов не спеша двинулся к незнакомцу. Тот, расслышав шаги, повернул голову. В светло-голубых глазах его не отразилось ни испуга, ни удивления. Он спокойно смотрел на приближавшегося Рогова, дымя «козьей ножкой».

— Здорово,— проговорил Рогов, избегая какого бы то ни было обращения — товарищ, гражданин, друг.

— А и вам здоровья,— ответил кудрявый дровосек, кивнув головой.

— Скажите, что это за место? — спросил Рогов и, помолчав, добавил: — Кстати, где здесь немцы поблизости?

— А вы кто такой? — в свою очередь спросил дровосек в трухе, не отвечая на вопрос Рогова, и, как тому показалось, спрятал в воротник полушубка насмешливую улыбку.

«Неужели здесь прослышали о десанте,— подумал Рогов.— Надо быть начеку... Что-то не

Дровосек был молод, пожалуй, ему не исполнилось еще и 25 лет. Но кто он? Друг? Недруг?

нравится мне этот веселый парень с ухмылочкой...»

— Кто такой? — сказал Рогов без улыбки. — Русский человек...

— Да нынче всякое бывает, — протянул молодой дровосек. — По обличью будто русский, а по нутру...

Не закончив фразы, он прибавил:

— Недалеко от Болдырева находитесь... Пожалуй, верстах в двух прямо к северу. Ну, а насчет немцев, — не спеша продолжал дровосек, — то вчера в Болдырево прибыло их не меньше роты...

— Ну, спасибо, — поблагодарил Рогов и почему-то прибавил насмешливо: — кум... Я пойду...

— Что ж, счастливого вам, — ответил дровосек и в тоне Рогова прибавил: — зятек...

Рогов улыбнулся и, кивнув дровосеку головой, отправился в путь.

Если этот парень говорил правду, то майору теперь не представляло большого труда ориентироваться на местности. На виду дровосека он повернул в противоположную от своего маршрута сторону, к востоку, намереваясь, отойдя подальше, повернуть на юго-запад, к шоссе. Там, возможно, могли находиться и его десантники, если только их уже не встретили проводники партизан, как об этом было условлено с командованием еще на аэродроме.

Удаляющийся Рогов слышал звонкий стук топора и возгласы дровосека, похожие на стон: — Ях-хь! Ях-хь! Ях-хь! — которые зати-

хали по мере того, как майор уходил все дальше и дальше в глубь леса.

Когда звуки топора стали еле слышны, Рогов остановился, опять вынул карту, нашел деревню Болдырево и наметил свой маршрут.

Он ни мало не сомневался, что встреченный им дровосек был местным жителем, возможно, даже болдыревский.

Но майор очень удивился бы, если б мог видеть, как молодой дровосек спустя некоторое время прекратил рубку, огляделся и не спеша направился к зарослям кустарника. Там лежала его сумка, сшитая из домотканного сурового полотна, в которой обычно крестьяне носят с собой пищу. Развязав сумку, дровосек вынул не ломоть хлеба и кусок сала, чтобы подкрепиться, а портативную рацию размером не больше коробки из-под табака.

Еще раз внимательно оглядевшись, дровосек приступил к настройке. Загудел зуммер, и мерный стук ключа раздался в тишине леса.казалось, дятел долбит кору дерева своим крепким клювом.

Но Рогов ничего этого не видел. Скорым шагом он шел по лесу, пока не выбрался на проселочную дорогу, которая вела в Болдырево и дальше, через эту деревню, к шоссе.

Если бы Рогову сказали, что в этот день ему доведется претерпеть множество самых невероятных происшествий, он бы, конечно, не поверил.

А между тем это было так. И лишь несколько минут отделяло его от события, в результате которого он чуть не стал жертвой немецких гестаповцев.

Ничего не подозревая, майор продвигался вперед, настороженно и зорко оглядываясь по сторонам.

Рваные лохмотья серых неприветливых туч внезапно рассеялись. Заголубело чистое холодное небо, засверкали радующие сердце яркие солнечные лучи.

Вскоре лес стал редеть, меж деревьями проглянуло поле, и Рогов увидел небольшую деревушку, расположенную на пригорке.

Это и было Болдырево.

Отныне Рогов уже не сомневался, что дровосек сказал ему сущую правду и что идет он верным путем.

Но это и встревожило его: днем пересечь поле вблизи деревни, где, к тому же, находились немцы, было более чем рискованно. А иного пути к шоссе не было. Ждать же здесь до ночи — значило окончательно оторваться от своей группы, запутаться в лесу и в конце концов очутиться в немецких руках.

Рогов прислонился к стволу сосны, достал из кармана коробку папирос, закурил и задумался.

Но этот день был полон неожиданных сюрпризов. В лесной тишине, справа от себя, он вдруг услышал уханье филина — он знал, что это условный знак партизан.

«Неужели мне повезло, и это партизанские проводники?» — подумал Рогов и, отбросив недокуренную папиросу, негромко ответил уханьем.

Еще несколько раз ухнул филин, и, наконец, майор увидел меж деревьями фигуру человека в дубленом полушубке.

Рогов не сомневался, что перед ним партизанский проводник, но его положение обязывало быть недоверчивым и настороженным, и он, сняв с шеи автомат, укрылся за сосной, поджидая человека в полушубке.

Когда тот подошел ближе, майор заметил его пышную окладистую черную бороду.

Продолжая ухать, чернобородый неуверенно продвигался вперед, уклоняясь в сторону от затаившегося Рогова. Наконец майор остановил его окриком:

— Не туда идешь... Я — здесь...

Чернобородый вздрогнул от неожиданности и остановился. Сквозь густую поросль его бороды и усов сверкнули белизной крепкие зубы — человек широко улыбался.

— А я и не заметил вас, — сказал чернобородый, старательно выговаривая каждое слово, и закинул на плечо винтовку, которую до этого держал на изготовку. — Здравствуйте, товарищ... Ну, вот, кажется, я и отыскал вас...

— Как это — «кажется»? — спросил Рогов.

— Ну, значит, если вы тот самый, за которым меня послали?..

— А кто вас послал? — допытывался Рогов.

Чернобородый ухмыльнулся.

— Известно кто — командир отряда... А вы, значит, отставший от десанта, который давеча приземлился здесь.

— Пароль! — наконец потребовал Рогов.

— Па-роль, — протянул чернобородый. — Про это, товарищ, знает только наше командование, нашему же брату, рядовому, видно, не положено знать... Да вы не бойтесь — люди свои...

Это могло быть правдой. Видимо, ради наиболее строгой конспирации командование партизанского отряда не сочло обязательным широко разглашать пароль и отзыв. Достаточно, если доставленные в партизанский лагерь десантники произнесут свой пароль, в ответ получат отзыв и, тем самым, станет ясно, что не какие-то чужаки проникли в отряд.

Удовлетворившись ответом чернобородого, Рогов решил довериться ему, как партизанскому проводнику. Предложив своему провожатому итти вперед, майор отправился вслед за ним, держа на изготовке автомат.

«В случае чего,— подумал он,— я успею уложить его раньше, чем он что-нибудь предпримет против меня».

Впрочем, это было лишнее: майор не сомневался в своем провожатом.

Единственно, что его привело в некоторое недоумение — это путь чернобородого. Тот двинулся не по маршруту, намеченному Роговым и, как он думал, верному, а совсем в противоположную сторону — не к шоссе, а назад.

— Стой-ка, друг! — наконец проговорил обеспокоенный Рогов. — Кто-то из нас, видно, ошибается — или ты, или я.

На лице чернобородого отразилось недоумение: круглые, цвета каленого ореха, глаза его еще более округлились, на лоб легли глубокие складки.

— Почему это я ошибаюсь? — спросил он.

— Да потому, что, как мне думается, нам надо итти к юго-западу, а не к востоку.

— Мы и идем туда, товарищ, — ответил проводник, пожимая плечами. — Только я хочу обой-

ти Болдырево лесом и выйти к большаку. А здесь — вы же сами видите — чистое поле... Разве пройдешь незаметно?..

Это было настолько справедливо, что Рогов с досадой подумал, почему не ему пришла в голову такая простая мысль.

Продолжая продвигаться вперед — первым чернобородый, за ним — Рогов, они достигли небольшой полянки.

Слева со стороны Болдырево послышалось ржание лошади, потом раздался чей-то громкий крик: «Ого-го-го!» — и все стихло.

Остановившись на опушке, проводник некоторое время чутко вслушивался, озираясь по сторонам, затем обернулся к Рогову, взмахнул рукой и двинулся через поляну.

Но не достиг он и середины ее, как вдруг из густых зарослей напротив раздался сухой выстрел, и чернобородый сразу остановился, как будто ткнувшись в невидимое препятствие, потом рухнул на землю.

Рогов стремительно отскочил в сторону и лег за невысокий кустик, росший на поляне. Автомат он держал наготове, но больше выстрелов не было, никто и не появлялся из густых зарослей леса. Раскинулась настороженная тишина.

4

Следовало что-то предпринять. Лежать на мокрой холодной земле, выжидая, было нелепо, и Рогов сначала медленно и ползком, а затем резким рывком перескочил полянку и скрылся в спасительных зарослях леса.

Этот день был поистине днем неожиданных и частых сюрпризов. Только Рогов вступил под защиту густого кустарника, как навстречу ему шагнул человек с винтовкой на плече. Рогов вскинул свой автомат, и вдруг глаза его широко раскрылись от удивления: в человеке он узнал давешнего молодого дровосека в заячьем треухе.

— Ну как, кум, испугался? — спросил тот с легкой усмешкой.

Рогов насупил брови. Ему не понравилась эта явная насмешка над ним.

— Кто вы такой? — спросил он строго.

— Неужели не узнали «кума»? — все так же насмешливо и беззлобно улыбаясь, проговорил дровосек. — А ведь я только что спас вас от немцев, — добавил он, уже без улыбки, вполне серьезно. — Этот чернобородый, — не знаю, как вы ему доверились, немецкий ефрейтор, по фамилии Мюллер и вел он вас прямо в Болдырево, где со вчерашнего дня орудуют эсэсовцы.

Рогов прищурил глаза: где же здесь правда? И кто из них провокатор — убитый чернобородый или этот «дровосек» с винтовкой за плечами? Ведь могло быть и так: немецкий наймит убил партизанского проводника, теперь пытается играть его роль, чтобы предать десантника в руки немцев?

В самом деле, где правда?

— Дурачков нашел разыгрывать! — произнес со злостью Рогов, направляя дуло автомата в грудь «дровосеку». — А ну-ка, руки вверх!..

Улыбаясь, парень подчинился приказу.

— Конечно, верить мне так вот сразу не приходится, — проговорил он. — Да ведь для этого у

нас есть по заветному словцу.. Вот, скажем, мое: «Волга».

«И стоит на ней героический Сталинград» — ответил Рогов и радостно улыбнулся, опуская автомат.— Привет вам, товарищ!

Спустя минуту, склоняясь над картой Рогова, «дровосек» говорил:

— Вам следует обойти Болдырево с юга и затем круто повернуть к западу... Это будет вот здесь,— ткнул он пальцем в карту.— Отсюда до шоссе 6 километров. Но к шоссе вы близко не подходите, остановитесь вот здесь у болота и ждите, пока вас не найдут партизанские проводники...

— А вы кто же, товарищ? — с удивлением спросил Рогов, до этого убежденный, что перед ним один из партизан, посланных на розыски десантников.

— Я? Я, товарищ, имею особое задание... Прощайте!.. Счастливого пути!..

Точно придерживаясь намеченного «дровосеком» маршрута, Рогов к трем часам пополудни вышел к болотцу, заросшему редким кустарником, чахлыми березками, осинником и ивняком.

По временам до слуха Рогова долетал стрекот автомашин, лязг колес телег, топот подкованных коней,— там лежал большак, шоссейная дорога, ведущая к Сухову.

Майор отыскал холмик, присел, отломал от шоколадной плитки два квадратика и съел их.

Это был его обед.

Закурив, он откинулся на ствол сосны и устало закрыл глаза.

Вокруг лежала морозная тишина. Не слышалось писка пичуг и их веселой возни в кустах.

Лишь по временам со стороны шоссе доносились звуки движения.

Рогов сидел, курил и думал.

Внезапно треск сухой ветки под чьими-то ногами заставил его вскочить и схватиться за автомат. Но было уже поздно: он оказался в кольце направленных на него дул немецких автоматов.

Стало ясно: «дровосек» обманул его, воспользовавшись паролем, о котором каким-то путем узнали немцы.

5

Рогов шагал медленно, заложив руки за спину и опустив голову.

Прошло немногим больше двенадцати часов после того, как он выбросился из самолета, а события за это время развивались так стремительно и с таким разнообразием, что майор только сейчас смог восстановить все в своей памяти.

В результате наложения этих событий достоверно стало одно: он, командир десантной группы, окончательно выбыл из строя. Не убил его вражеский «мессер», удалось ему благополучно приземлиться, зато сейчас он попал в цепкие лапы.

Это было начало конца.

Что ждало его впереди? Что будет с ним через какой-нибудь час?

Он знал — немцы не ограничатся его убийством. Нет, они попытаются выведать все подробности о десанте.

Он вдруг вспомнил о тех гестаповских пыточных камерах, которые ему довелось видеть в некоторых освобожденных районах.

В одной из таких пыточных камер Рогов однажды застал умирающего патриота, у которого в подошвы обеих ног были вбиты короткие с широкими шляпками гвозди.

Видал майор и подобие древней дыбы, и заостренные колья с насаженными на них людьми, и многое другое, настолько дикое, что нормальный человеческий ум не в состоянии был понять всю эту чудовищную нелепость.

Чего добивались фашистские садисты от своих жертв? В первую очередь, нужных им сведений.

И Рогов на мгновение представил себя на их месте.

Выдержит ли он нечеловеческую муку? Хватит ли у него духовных сил держаться с достоинством до последнего вздоха?

Важно было одно: молчать! Претерпеть все и молчать. Дыба, кол, гвозди — молчать. Ни одного слова! Онеметь!

Где те силы, которые помогут ему все вытерпеть, все испытать и молчать, молчать, молчать?!

Кто даст ему эти силы?

Молчать! Молчать! Молчать!

Он шел, опустив голову, весь поглощенный мыслями о предстоящих пытках и о тех силах, которые скуют ему челюсти, отнимут язык, заглушат дыхание.

Молчать!

Он шел, не замечая ни дороги, ни своих конвоиров.

И вдруг услышал:

— Стой! Кто идет? — и поднял голову.

Перед ним расстилалась продолговатая большая поляна, где были расположены палатки, землянки, шалаши. Он заметил также несколько

станковых пулеметов, два полевых орудия, три танкетки...

Да ведь это партизанский лагерь!

Еще несколько шагов — и он услышал звонкий девичий голос:

— Товарищ командир! Доставлен неизвестный гражданин... Кто он, узнаете сами. Я же думаю, что из тех переодетых прохвостов, о которых сообщал «Днепр», так как он не знает пароль...

При этих словах Рогов улыбнулся и посмотрел на девушку. С волосами, запрятанными под шапку-ушанку, она была похожа на подростка-мальчишку, и, видимо, потому он не обратил на нее в лесу никакого внимания.

Взгляд синих глаз девушки был суров и печален, черные брови ее сходились у переносья, образуя сплошную линию, протянутую от висков через весь лоб.

Она отдавала рапорт коренастому крепкому партизану с широкой окладистой бородой, уже подернутой сединой. Рядом с ним стоял высокий, гладко выбритый человек, который грыз черенок давно потухшей трубки.

«Командир и комиссар», — подумал Рогов.

— Кто вы такой? — обратился к майору человек с трубкой.

— Я предпочел бы поговорить об этом в другом месте, — заявил Рогов.

— Прошу, — и жестом руки человек с трубкой пригласил майора спуститься в землянку.

Только теперь Рогов полностью осознал, что все необычайные происшествия сегодняшнего дня закончились, и сейчас он находится не в руках врагов, а в окружении друзей.

— Ну, дорогие товарищи, здравствуйте! — весело проговорил Рогов. — Все-таки мне удалось достичь цели своего путешествия и, кажется, раньше своих десантников.

Комиссар и командир, выжидая, с недоверием молчали.

— Я — «товарищ Степной», прибывший к вам для выполнения операции номер шесть.

6

Только после прибытия в лагерь десантников во главе с Кравчуком и Хохловым стало ясно, почему Москва в последней своей радиограмме уведомляла, что «о «товарище Степном» будет сообщено в свое время».

Сразу же после приземления Звягинцев радировал в Москву, что десант в полном составе, за исключением его командира майора Рогова, приземлился благополучно в районе высоты 157,2. Майор же Рогов, видимо, погиб, не успев выбраться, так как на самолет неожиданно напал вражеский «мессер», обстрелял его и поджег.

Там, в Москве, предполагали, что если гибель Рогова подтвердится, послать для руководства операцией № 6 другого командира с той же конспиративной кличкой.

Поэтому и приказывала Москва командиру отряда Птицыну ждать дальнейших распоряжений.

— Срочно радируйте командованию, — приказал Рогов Звягинцеву, — что ваше первое радиодонесение оказалось ошибочным и что десант в полном составе приступает к операции № 6.

Птицын внимательно рассматривал человека, к которому отныне переходил весь партизанский отряд под общее командование, отодвигая его, командира Птицына, на второй план.

Энергичное, худощавое лицо советского командира, его широкий лоб с выпуклыми надбровными дугами, седеющие виски и спокойный взгляд темносерых глаз говорили о твердой воле, решительности и уме.

Самолюбивый Федор Кузьмич Птицын, ожидавший встретить молодого, горячего офицера, неопытного в трудной и сложной партизанской борьбе, был приятно разочарован.

«С таким, пожалуй, повоевать не плохо», — подумал он и обратился к Рогову:

— Кстати, товарищ майор, расшифруйте нам слова: «Операция № 6».

— Взрыв бензобашен, питающих всю здешнюю армейскую группировку немцев...

Птицын невольно присвистнул: легко сказать — взрыв четырех бензобашен! Они врыты глубоко в землю, а сверху покрыты стальными колпаками. Помимо того, бензобашни зорко охраняются, и сейчас, в связи с выброской десанта, по донесению «Днепра», генерал-майор Зитц укрепил гарнизон полковника Качке двумя батальонами СС.

— Да знаете ли вы, товарищ, что собою представляют эти бензобашни и как они охраняются? — воскликнул Птицын. — Мы тоже не лыком шиты, пытались их взорвать, да ничего у нас не вышло, дери их курица!

— Знаю, — ответил Рогов. — Вот потому-то наше командование и сочло необходимым поручить это дело специалистам подрывникам-сапе-

рам, товарищ Птицын. Это — приказ... И он должен быть выполнен во что бы то ни стало! Мы обязаны обескровить этот участок фронта.

После короткого отдыха партизаны пригласили гостей на обед, а после обеда в землянке начался военный совет.

На совете присутствовали Птицын и Чернопяттов, Вера Холодова и Алексей Найда — первый помощник командира отряда, молодой светлорусый гигант, человек необычайной храбрости и страстно ненавидевший фашистов.

Со стороны десантников были Рогов, Кравчук, Звягинцев, Гапаридзе и Хохлов.

— Товарищи,— открыл Рогов совет.— Я наметил план, который прошу вас внимательно выслушать и о котором прошу высказаться. Первая часть плана сводится к следующему: нам необходимо ввести в заблуждение фашистского полковника Качке...

— Проще говоря, обмануть его,— забасил Найда.

— Совершенно верно: обмануть,— согласился Рогов.— Для этой цели необходимо сделать так, чтобы Качке был убежден, будто им разгромлен наш десант... И чем больше у него будет этой уверенности, тем успешнее мы проведем нашу операцию по взрыву бензобашен.

— Что-то мне не вполне ясно,— заметил Птицын.— Как же это сделать?

— Я предлагаю,— продолжал Рогов,— создать небольшой отряд, скажем, из двенадцати-пятнадцати человек, в который войдут и десантники, и партизаны. Под видом сброшенного с самолетов десанта отряд ввяжется в бой с вражескими силами, высланными Качке для уничтожения

нашего десанта, и как будто даст себя разгромить... Таким образом, немцы будут убеждены, что они полностью разделились с десантом, и ослабят свою бдительность...

— Абсолютно верная мысль,— проговорил Чернопятов.— Хорь станет праздновать «победу», и настороженность его ослабнет... Но... но, товарищи, в плане майора есть существенное «но»... Наш отряд будет, конечно, по численности в несколько раз меньше вражеских сил.

— Правду сказал комиссар,— подтвердил Птицын.

— Да, товарищи,— продолжал Рогов,— наш отряд будет в несколько раз меньше вражеских сил. Все это так... Но у отряда есть другие преимущества, которых у немцев нет... Ведь каждый партизан знает в лесу любую тропинку, любой куст, и это поможет ему ловко маневрировать, бить врага наверняка и отступить в такие места, куда враг и не сунется. Поэтому наш отряд при умелом и мужественном поведении бойцов сможет провести намеченную операцию с самыми незначительными потерями... Если, вообще, эти потери будут...

— Ваша правда, товарищ майор,— горячо и взволнованно проговорил Найда.— Наш отряд навяжет бой немцам в выгодных для себя условиях,— и это уже часть победы... Потом, при ловком маневрировании, мы сможем избежать потерь... Ну, а если нужно будет, то все погибнем, а приказ выполним...

— Хорошо сказано, товарищ,— подхватил Кравчук.— Прошу назначить меня в эту группу, товарищ майор...

— Мы пойдем вместе с Кравчуком, товарищ майор, — сказал Звягинцев. — Я, Гапаридзе и Камнев...

— Прошу меня назначить в помощь лейтенанту Кравчуку, — заявил Найда.

— Товарищ майор, — сказала Вера, — отряд не может пойти в бой без медицинской помощи. А я уж не раз выполняла обязанности медицинской сестры...

— Утверждаю командиром группы лейтенанта Кравчука, — проговорил Рогов. — Товарищ Найда будет его помощником. С ним отправятся Звягинцев, Гапаридзе, Камнев и Холодова... Остальных девять человек прошу назначить вас, товарищ Птицын, по вашему усмотрению. Выступает группа ровно через час...

Смешливый Гапаридзе не удержался, чтобы не сострить:

— Мы должны, товарищи, во что бы то ни стало помочь полковнику Качке получить железный крест за «уничтожение» русского десанта...

— Вот уж, как говорится, — забасил Птицын, — у сатаны будут новые штаны, курица его дерит! Хорю-то, товарищи, и невдомек, что мы печемся о награде для него...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

1

Солнце не опустилось еще за верхушки высоких сосен, окружавших лагерь, а группа партизан и десантников в количестве пятнадцати человек вышла на боевую операцию по плану, разработанному майором Роговым — «товарищем Степным».

Группа имела с собой несколько парашютов, небольшой ящик с взрывчаткой и некоторые инструменты, которые должны будут убедить немцев, что перед ними именно советские парашютисты, сброшенные накануне недалеко от Сухова.

Вера Холодова с санитарной сумкой на плече замыкала шествие.

Девушке, уже после заседания совета, пришлось долго упрашивать командира отряда Птицына, который убедил Рогова отменить назначение Веры в группу.

Федор Птицын резонно заметил, что намеченная операция потребует от ее участников выносливости и будет настолько тяжелой, что окажется

не по силам даже иному мужчине, а не только молодой девушке.

Но Вера знала, что ее ожидает. Она знала и то, что операция будет не только тяжелой, но и сопряжена с большими опасностями. Но кто же из советских воинов чурается опасности?

К тому же, страстное желание кровью врага искупить свою с ним близость не давали девушке покоя. Ей чудилось, что на губах все еще чернеют, как тавро, горячие поцелуи Сергея Кирьякова...

Как только группа скрылась в лесу и все вокруг затихло, комиссар отряда Чернопятков спешно стал настраивать рацию.

Наконец, ему удалось связаться с «Днепром», которому он и сообщил о выходе специальной группы в район «Трех ключей» для проведения операции № 1, как ее условно назвал Рогов.

Но не дремал и Сергей Кирьяков, или Кирьяк, как его именовал Курт Амедей фон Качке.

2

Полковник Курт Амедей фон Качке нетерпеливо бегал по кабинету, заложив руки за спину и наклонив по-бычьей голову.

Это было точное подражание фюреру, который также бесновался, когда тревога и нетерпение выводили его из себя.

Лейтенант Гуго Вальтер стоял у стола на вытяжку, бледный, с проступившими на лбу каплями пота и ежеминутно приглаживал рукой свои белесые жиденькие волосы.

— Черт возьми! — вдруг рявкнул полковник, внезапно остановившись перед своим трепещущим адъютантом. — Уже девять часов, а от этого Кирьяка нет никаких вестей... Черт возьми! — выкрикнул он еще раз прямо в лицо Вальтеру, как будто плюнул в него, и вновь забегал по кабинету, ссутулившийся под фюрера и свирепый, как фюрер.

В самом деле, рация, установленная в кабинете полковника, с момента ухода Кирьяка молчала, как глухонемая, и господин Курт Амедей фон Качке все больше и больше приходил в неистовство.

Накал злобы, наконец, достиг своего предела. Качке схватил лежащий на столе парабеллум и пулю за пулей всадил всю обойму в квадрат «Луна-6» — «Волк-4», четко обведенный красным карандашом на карте, висевшей на стене.

Набухшие воспаленные веки Гуго Вальтера вздрагивали при каждом выстреле, а пот, проступивший на лбу, потек тонкими струйками по его посеревшему от страха лицу. Ему казалось, что его разъяренный шеф не удовлетворится мертвой и глухой стеной, а всадит, наконец, пулю в живое, дрожащее тело своего адъютанта.

Кто знает, было бы так или не было, но в это время, к великому облегчению Вальтера, запел зуммер рации, и Качке, как кузнечик, разом прыгнул к аппарату.

Да, то были долгожданные позывные Кирьяка.

Он сообщал, что ему удалось выследить советских парашютистов в количестве около полусотни человек (точное число из-за темноты установить было невозможно). Группа медленно продвигается в юго-западном направлении, миновала

шоссе и в настоящее время находится в квадрате «Юпитер-4».

Полковник Качке медлить не стал. Прежде всего, подтверждалось мнение летчика Краузе с количестве десанта.

«Значит, в самом деле этому ослу удалось уничтожить один из советских воздушных кораблей!» — подумал он и не знал, то ли радоваться тому, что количество русских не такое уж большое, как он думал, не то печалиться, что прав какой-то осел летчик, а не он, Курт Амедей фон Качке.

Но полковнику не приходило в голову, что не прав ни «этот осел летчик», ни сам господин Качке: советских самолетов всего было два, и они благополучно выбросили весь десант в количестве 20 человек. Но что не сделаешь карьеры ради! Умножишь свои подвиги, постарайся из овцы сделать быка, из чахлого кустика ветвистый дуб!..

Полковник остановился возле карты, пробитой в нескольких местах пулями, и, ткнув пальцем в квадрат «Барс-8» — «Лев-5», расположенный к юго-западу от «Юпитера-4», обратился к Вальтеру:

— Немедленно капитана Штаубе ко мне!

Энергичные действия полковника Качке привели к тому, что меньше чем через час батальон войск СС под командованием капитана Штаубе отправился в квадрат «Лев-5» на перерез движущемуся десанту.

Штаубе был осторожный человек. Опасаясь партизанских засад, он продвигался очень медленно и только к рассвету достиг квадрата «Лев-5».

Здесь он встретил Кирьяка с рацией. Кирьяк сообщил ему, что десантники, насколько ему, Кирьяку, известно, еще не прошли через квадрат «Лев-5», но что ждать их следует каждую минуту.

— Это есть замечательно, — похлопал довольный Штаубе по плечу подручного полковника Качке. — Вы зеер гут служите Германии... Служение Германии возвышает человека, неслужение Германии...

Недостающие слова капитан-эсэсовец восполнил весьма показательным жестом и мимикой: он сжал рукой свою шею, закатил глаза и высунул язык. Это была наглядная демонстрация того, что ждет человека, который не пожелает служить Германии...

— Мы будем делать такое повешение всех партизан и весь русиш десант, — прибавил господин Штаубе и отдал распоряжение батальону развернуться в боевой порядок, выдвинув далеко вперед оба фланга.

— Это есть замечательный клещи, — доверительно пояснил он Кирьяку. — Русиш десант мы будем раздавливать, как орех. Хрусь — и все будут разглядывать одна шелуха...

Но совершенно неожиданно бой начался не так, как его планировал капитан Штаубе.

Как случилось, что десантники ударили по батальону с тыла, господину Штаубе разгадывать было некогда. Он должен был под губительным огнем противника перестраивать боевые порядки батальона, а это привело к весьма ощутимым потерям в живой силе.

Бой разгорался. И сразу стало ясно численное превосходство немцев. Это приободрило капи-

тана Штаубе, потрясенного началом боя: из строя первой ударной роты было выведено сразу около 50 солдат.

— Мы будем их преследовать и добивать! — решил капитан Штаубе, когда убедился, что соотношение сил равно, по крайней мере, один к десяти в его пользу.

3

Гигант Найда перетаскивал свой станковый пулемет с места на место, чтобы создать у немцев представление, будто под пулеметным огнем находится весь фронт боевых действий.

Это была нелегкая задача — стремительными рывками покрывать каждый раз расстояние не меньше 50 метров.

Сначала Найде пришлось сбросить полушубок, потом он освободился от ватника, но это было слабым облегчением. При перебежках со станковым пулеметом в руках гулко, с бешеной быстротой колотилось сердце, нехватало дыхания, язык во рту казался шершавым, неповоротливым и чужим, а липкий пот слепил глаза.

Остап Кравчук с ручным пулеметом стремился не допустить окружения его группы, которая в этом случае погибла бы сразу.

Важно было и другое: под огнем группой группа должна постепенно отходить, бросая, словно бы в панике, известное количество снаряжения и боеприпасов. Немцы ни на минуту не должны усомниться, что ведут бой со всей группой парашютистов, сброшенных накануне.

Рассвет, между тем, быстро расползлся по лесу: из серой мглы начали отчетливо выступать

мохнатые ели, белоствольные березы, сосны и голые кустарники.

Особенно тяжело было Вере: на ее обязанности лежало оказание раненым первой помощи, и в то же время она должна была вести автоматный огонь в случае, если немцы покажутся на ее участке. Партизаны, отлично зная местность, маневрировали умело, хладнокровно. Поэтому раненых было мало, да и ранения легкие. Во всяком случае, никто из бойцов не покидал поля боя.

Только к рассвету совсем вышел из строя молодой партизан Петров — пуля раздробила ему коленную чашку, и он не в состоянии был двигаться. А через час получил нелегкую рану десантник Синецын — осколок снаряда угодил ему в правое плечо.

Раненых отнесли в глубь леса, подальше от места боя.

Но и там они не остались без дела.

Петров начал снаряжать пулеметные ленты, Синецын помогал ему, как мог.

Группа медленно отходила, завлекая врагов к болоту. Пулеметчики сменялись приблизительно каждые сто — сто пятьдесят метров: когда отходили первые, их прикрывали пулеметы второй линии, затем они отходили под прикрытием следующих и т. д...

Найда, великолепно зная лес, стремился лишь к тому, чтобы достичь болота. Он рассчитывал, что немцы, достигнув болота, не рискнут углубиться в него, если только их не проведет кто-нибудь из знающих эту местность.

Вера, тревожно оглядывавшаяся по сторонам, боялась одного: Сергея Кирьякова. Окажись он здесь, вместе с немецким батальоном, — партиза-

нам конец. Кирьяков мог провести немцев в самую глубь трясины, по тайным тропам. Но где сейчас он? Неужели среди немцев?...

Но тревога Веры оказалась напрасной. Когда группа достигла болота и скрылась в его густых кустарниковых зарослях, капитан Штаубе с хода врезался было ротой автоматчиков в зыбкую почву, но, потеряв около половины своих солдат, потонувших в трясине, он отступил.

Сергей Кирьяков не повел врагов вслед за остатками «разгромленного» десанта. То ли он боялся партизанской пули, то ли у него были какие-то другие соображения, но во всяком случае он не предложил Штаубе своих услуг, а Штаубе и не подумал спросить Кирьяка, знает ли тот проход через болото.

Штаубе вынужден был прекратить преследование партизан.

Тем временем группа партизан и десантников, неся двух раненых, проникла по знакомым тропинкам в глубь трясины и сделала там привал. Люди просто свалились от страшной усталости.

Шум боя затих. Не слышалось больше ни выстрелов, ни вражеских голосов.

4

Несколько запаянных металлических коробок с взрывчаткой, связки бикфордова шнура, запалы, а также случайно найденные в квадрате «Юпитер-6» в разных местах три парашюта были теми трофеями, которые убедили Штаубе в полном разгроме советского десанта.

Капитан Штаубе был уверен, что эта победа принесет ему крест и давно обещанные майорские погоны.

Поэтому возвращение батальона войск СС в город Сухов было в высшей степени помпезным. Впереди шествовали фанфаристы, дудя что было мочи в свои никелированные рожки. За фанфаристами рота за ротой выступал весь батальон. А впереди четким парадным шагом, далеко выкидывая перед собой ноги и запрокинув назад голову, шел сам «победитель» — будущий майор Штаубе.

Смущало его только то обстоятельство, что ему не удалось захватить пленных. Ни одного пленного, черт подери! Правда, в рапорте на имя полковника Качке имелось тому весьма и весьма веское доказательство: десантники дрались, как дьяволы, предпочитая смерть плену. Воображение капитана Штаубе было поистине великолепным — он взорвал на связках гранат несколько десантников вместе с полусотней своих солдат. Правда же была та: действительно, погибло пятьдесят эсэсовцев, сраженных пулями отряда, но капитан Штаубе не сказал другой половины правды — столько же захлебнулось в болотной жиже. Для этого у него нехватило воображения. Но его мучил страх: потерять сотню солдат, не захватив при этом ни одного десантника! Правда, это обстоятельство лишней раз подчеркивало, насколько упорны были в бою эти русские. А если при этом, как писал Штаубе в своем рапорте, принять во внимание соотношение убитых один к одному, то, само собой разумеется, количество убитых парашютистов тоже равняется сотне. Здесь арифметика господина Штаубе явно

хромала, — ведь по данным полковника Качке, десантников-то было всего пятьдесят! Но черт подери! Кто на это обратит внимание? Важно было в рапорте побольше убить советских парашютистов, дабы поскорее повесить на плечо майорский эсэсовский погон, а что касается действительности, то черт с ней, с действительностью! Нихт вар? — как любит говаривать этот карьерист полковник Качке.

5

Капитан Штаубе не ошибся — никто не обратил внимания на странные арифметические подсчеты командира батальона СС. Наоборот, на основании этих подсчетов полковник Качке послал донесение генерал-майору Зитцу и получил от последнего благодарность, а также радостное уведомление, что он, генерал-майор фон Зитц, направил в Берлин представление о награждении железным крестом его, полковника Качке, и крестом с возведением в чин майора капитана Штаубе.

В связи с таким вдвойне радостным событием — и награждение и полный разгром десанта — полковник Курт Амедей фон Качке вернул его превосходительству два батальона войск СС, присланных для укрепления суховского гарнизона и охраны бензобашен, и назначил на вечер этого дня шумный банкет с обильным количеством разнообразных закусок и ассортиментом вин и крепких водок.

Гроза, нависшая над полковником Качке, быстро миновала благодаря его энергичным дей-

ствиям, и, по крайней мере, две недели можно было считать себя в полной безопасности.

Хайль!

6

Кирьяк не вернулся в Сухов вместе с «победоносным» батальоном Штаубе. По приказанию капитана он остался в районе квадратов «Волк-4» — «Барс-8» — «Юпитер-6», чтобы выследить остатки разгромленного десанта, которые, несомненно, попытаются связаться с партизанским отрядом этого таинственного «товарища П.».

По замыслу Штаубе, это и будет той нитью, которая приведет Кирьяка в расположение партизанского отряда. А, установив местонахождение партизан, Штаубе будет уже нетрудно внезапно нагрянуть на них и уничтожить.

Это была прямая директива полковника Качке, которую тот, в свою очередь, получил от генерал-майора Зитца.

Мысли у Штаубе были весьма радужными. После разгрома десанта разгромить партизанский отряд, действующий в непосредственной близости от Сухова, — значило сделать большой скачок по лестнице чинов, отличий и наград.

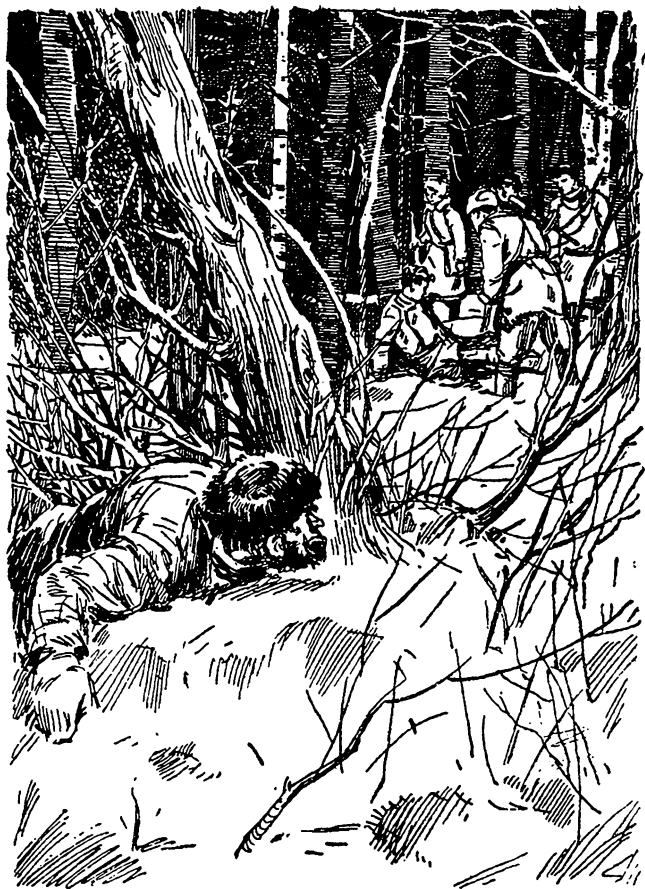
За один год от обер-лейтенанта до, непременно, полковника, — вот это карьера, черт подери!

И Штаубе стремился использовать благоприятные условия, чтобы скорым шагом достичь заветной цели.

Хауптман¹ Штаубе звучит куда лучше, чем обер-лейтенант Штаубе. Майор Штаубе — несравненно по звучанию с хауптманом Штаубе. Но

---

¹ Хауптман — капитан (нем.).

Трое крепких мужчин разом навалились на Кирьякова.

черт подери! — что такое майор в сравнении с таким звучным чином — полковник!

Вот почему Кирьяк остался в районе названных квадратов: капитан Штаубе пек блины, пока сковорода была раскалена.

Оставшись один, Кирьяк присел на пенек, предварительно сняв с него рыхлую шапку снега, и, свернув козью ножку, закурил.

В лесу было тихо: не слышалось даже писка мелких пичуг, не шипел ветер в кронах сосен и елей, и вокруг, быть может, на много километров, не находился ни один человек.

Но Кирьяков ошибался. За ним следило несколько пар зорких глаз.

Неотступно наблюдала за ним и еще одна пара глаз, горящих лютой, неугасимой ненавистью.

Но Кирьяков не подозревал ни о глазах нескольких людей, ни о глазах одного, страшного для него человека.

Накурившись, он поднялся, не спеша сделал несколько шагов к густому кустарнику и скрылся в его чащобе.

Вскоре оттуда послышался тихий напев рации, вспыхнули лампочки накала и методично застукал ключ, выбивая азбуку Морзе.

Кирьяков так увлекся передачей, что не заметил, как четыре человека с автоматами на перевес осторожно приближались к нему.

Потом события начали развиваться с необычайной быстротой: трое крепких мужчин разом навалились на Кирьякова, сунули ему в рот кляп и затем крепко скрутили его по рукам и ногам.

— Наконец-то, ты попался, предатель. — с ненавистью произнес один из трех, высокий, широкоплечий, широкогрудый.

Окидывая глазами своих неожиданных врагов, Кирьяков вдруг остановился на девушке в заячьем треухе. Лицо его побагровело от натуги, на лбу и шее вздулись тугие жгуты вен, и кляп с силой, как стрела, вылетел у него изо рта.

— Вера? — сильным голосом проговорил Кирьяков и глаза его стали большими, круглыми и светлыми.

7

Майор Рогов сидел возле рации с Чернопятовым, который принимал донесение от Звягинцева «о разгроме десанта» батальоном капитана Штаубе.

Звягинцев сообщал о положении группы после боя и просил выслать в район «Трех ключей» четырех человек для эвакуации двух раненых.

— И все-таки двое наших ранены и, видимо, не легко, раз просят помощи, чтобы их перенести, — в раздумье произнес Чернопятов.

Рогов посмотрел на него.

— Откровенно говоря, товарищ комиссар, — ответил он, — я ждал худшего... Кстати сказать, и вы тоже... После такого боя, когда противник имел батальон, наши потери ничтожно малы. В сущности, их вообще нет. Ведь эти двое раненых, если и не войдут опять в строй, то не потеряны для труда... Не так ли?

— Это так, — согласился Чернопятов. — Ваш план, товарищ майор, прямо сказать, талантливый...

— Э, товарищ Чернопятков, — заметил Рогов. — Что наши планы без мужества и стойкости тех, кто их выполняет... Честь и слава нашим советским воинам, товарищ комиссар!

— И в этом вы правы, — согласился Чернопятков. — Но я бы добавил еще: нет солдат без командира. как нет командира без солдат. Все это одно целое...

— Вот теперь я с вами согласен полностью, — произнес Рогов.

В это время опять заработала рация, и Чернопятков уловил позывные «Днепра».

— Ага, вот сейчас узнаем, как себя чувствует Хорь после «разгрома» вашего десанта, товарищ майор...

Но комиссар успел только принять два-три вступительных слова, как рация вдруг замолчала. Все попытки Чернопяткова и Рогова наладить прием ни к чему не приводили: аппарат молчал. Это встревожило Чернопяткова.

— Боюсь, не случилось ли несчастья с нашим «Днепром»? — произнес он взволнованно. — Уж не накрыли ли его немцы во время передачи?..

— Ну уж так и накрыли, — постарался успокоить комиссара майор Рогов. — Вернее предположить, что, заметив опасность, он сам прекратил передачу.

— Все может быть, — ответил Чернопятков с облегчением. — Но если парень провалился, — это большая потеря для отряда.

— Кстати, Федор Никитич, — сказал Рогов. — Расскажите-ка мне поподробнее о вашем разведчике... Во всяком случае, кто он — мужчина или женщина?

— Совсем еще молодой человек, — ответил Чернопятков. — И законспирировали мы его надежно... Кроме меня и Птицына, никто из партизан никогда его не видел и ничего о нем не знает. У «Днепра» свой код, свои позывные, своя волна, на которой мы и держим с ним связь.

Помню, дело было так: незадолго до занятия немцами нашего города явился ко мне в райком молодой вихрастый парнишка и предложил остаться в тылу врага в качестве партизанского разведчика. По началу я было принял его просьбу не вполне серьезно. Думаю, парень смотрит на все это дело сквозь романтические очки. Ну, я начал объяснять ему, что работа подпольщика прежде всего тяжелый повседневный труд, связанный с опасностями на каждом шагу. «А в случае провала, — говорю, — немцы подвергнут тебя страшной пытке и повесят...» Но парнишка оказался кремнем. Он прекрасно изучил все это дело, знал многие тонкости работы в подполье... Одним словом, поговорил я с Птицыным, к тому времени уже назначенным командиром партизанского отряда, с партийными руководителями области и согласился.

После этого снабдили мы парня соответствующими документами, чтобы скрыть от немцев его подлинное прошлое, потом, как говорится, окрестили его конспиративным именем, дали ему портативную рацию, связали с подпольной группой, которая должна была работать во время оккупации города и благословили на боевой нелегкий труд...

И надо сказать, не ошиблись... Работает парнишка прекрасно. Через него нам известен каждый шаг немцев. Он там — наши глаза и уши...

Чудесный парень... Выдержка, хладнокровие, мужество — поразительны для его лет...

Чернопяттов замолчал, и вновь тревога легла на его лицо.

— Не нравится мне этот внезапный обрыв в передаче, — тихо, как бы про себя, опять проговорил он. — Неужели попался парень, а?..

— Не думаю, — ответил Рогов. — А если попался, будем выручать.. Для такого дела все мои десантники в вашем распоряжении, Федор Никитич.. Да и сам я тоже... Вот только надо установить точно, что же с ним случилось?

— Вернется Вера, — в раздумье произнес Чернопяттов, — придется послать ее в Сухов в разведку. Ей дело это не новое — ходила уж не раз по нашему заданию...

— Ну вот и хорошо, — бодро сказал Рогов. — Выручим парня. Только рано вы беспокоитесь, Федор Никитич, ничего ведь еще неизвестно...

Чернопяттов опять склонился над рацией, пытаясь настроиться на волну «Днепра», но аппарат попрежнему был глух, как камень.

— Нет, товарищ майор, — сказал он, — все ясно: провалился наш «Днепр»!

8

Услышав свое имя, произнесенное ненавистными губами, Вера отвернулась. На ее глазах заблестели слезы от гнева и жгучего чувства стыда.

— Ну, что мы будем с ним делать? — спросил лейтенант Кравчук, с любопытством разглядывая молодое красивое лицо предателя.

— Повесим, — ответил Найда не колеблясь.

— Эх, кацо, так нельзя,— сказал Гапаридзе.—
Надо все по закону — надо сначала судить.

— Мы и будем судить,— глухо произнесла девушка, для которой, наконец, наступил час возмездия — она ждала его долго, ждала с нетерпением и страхом.— Здесь будем судить,— добавила она, потупясь и нахмутив брови.

— Здесь,— согласился Найда.— Да и судить нам не долго... Все мы обвинители,— и он окинул взглядом подошедших остальных партизан.— А вы, товарищи,— повернулся он к десанникам,— будете судьями, как лица, можно сказать, объективные... Я,— продолжал Найда с силой,— я обвиняю этого человека в предательстве Родины, в том, что без всякого принуждения он пошел в услужение к лютым врагам нашим, чтобы погубить партизан... А с врагами разговор у нас один — смерть!

— Этого человека,— начала девушка почти шопотом, с хрипотцой в голосе,— я любила... говорю это прямо, не таясь... Но он предал все... и любовь мою тоже... Стыдно мне, товарищи, что не распознала я его, поверила его льстивым книжным словам о великой любви к Родине, о подвигах во имя Родины, на алтарь которой — это его лживые слова — он готов был положить свою жизнь, как ее клали великие революционеры всех времен и народов... Да, товарищи, он говорил красиво, он умел говорить красиво, но каждое его слово оказалось черным, как его душа... А с предателями у нас один разговор — смерть!

Выговорив последнее слово, девушка вдруг стала бледной, как березовая кора, и руки у ней обвисли, как сломанные сучья. Закрыв глаза, она

прислонилась к дереву и затихла, обессиленная.

Наблюдавший за ней Кравчук понял ее мужество, ее великое страдание, потому что не сразу и не легко вырвать из сердца свою первую чистую девичью любовь.

После Веры выступил следующий партизан.

— Я знал этого человека мало. Но встречаться приходилось — он был телеграфистом, я — путевым обходчиком. Я к тому это говорю, товарищи, что никакого значения не имеет — кто, как знал друг друга до войны. Во время войны человек раскрылся. А этот раскрылся так, что хуже и не бывает... Предать свою Отчизну, друзей, свою любовь, все самое дорогое для человека может только самая черная душа, у которой нет ничего святого... Я все сказал, и последнее мое слово — смерть!

Тем временем Найда вынул из дорожного мешка тонкую и длинную веревку и, приспособившая петлю, поглядывал вверх, выбирая сук покрепче.

Наблюдая за этой сценой, Кравчук с удивлением подметил: Кирьяков не проронил ни одного слова, не сделал ни одного движения, словно происходящее абсолютно его не касалось.

Заметила это и Вера, но девушка по-своему понимала причину такого молчания: что мог сказать этот человек, этот предатель в свое оправдание? Ничего, ни одного слова! Защищаться? Чем? Все, что ни сказал бы он, было бы для него обвинительным актом.

Но Остап Кравчук думал иначе: «По всей видимости, у этого человека было что-то более страшное, чем предательство. Он сделал что-то

несравненно худшее, о чем партизаны, видимо, еще и не подозревали.»

Все это следовало непременно выяснить. И не здесь, в этом импровизированном судилище, где на скорую руку производится следствие и где заранее известен приговор. Нет, это скорее было похоже на поспешную расправу, чем на подлинный народный партизанский суд.

— Раз вы уже поручили мне и моим товарищам — десантникам быть судьями над предателем, — заговорил лейтенант, обращаясь к партизанам, — то вот наше слово: этого человека надо судить, но судить по всем правилам, согласно советским законам, партизанским судом, чтоб приговор был общим и чтоб вся деятельность преступника была выяснена до конца.

— Да, нам не нравится такой поспешный суд, — заволновался Гапаридзе и, как всегда от волнения, заговорил с сильным акцентом... — Я не могу принимать участия в таком суде. Это безответственно...

Звягинцев добавил:

— А почему бы нам, товарищи, не отвести преступника в партизанский лагерь? Мало ведь судить человека и вынести приговор — надо преступника, прежде всего, допросить. А здесь я не вижу ни допроса, ни ответов подсудимого, а слышу только обвинение. Это — односторонне, товарищи...

— Мы не можем тащить его в лагерь, — со злостью проговорил Найда. — У нас и так сил нет, чтобы доставить раненых. А что касается правомочия суда в данном составе, то он достаточно правомочен. Нас девять человек в здравом уме и твердой памяти. Теперь же война и нет

нам времени затягивать все процедуры... Выслушаем последнее слово подсудимого — и точка! Эй, ты! — обернулся он к Кирьякову. — Выкладывай свое, да покороче!..

Кирьяков и сейчас не произнес ни слова.

Тем временем Найда нашел то, что искал: крепкий обломок сука на березе, выступающий вперед и похожий на балку. Измерив на глаз расстояние от сучка до земли, он закинул веревку и принялся ее закреплять.

Кравчук категорически воспротивился такому скороспелому судилищу.

— Вот что, товарищи, — заявил он. — Поскольку я командир отряда, я самым решительным образом приказываю: пленного доставить в партизанский лагерь! Приказ обсуждению не подлежит. Все!

Найда был недоволен приказом, но приказ командира — закон для подчиненного. Сила его нерушима. Он покорился, но заворчал про себя, отойдя в сторону:

— Вот возьмут немцы и застукают нас здесь, пока мы будем цацкаться с этим хоревым наймитом... Уж они-то не станут искать, что законно, а что незаконно...

Но лейтенант Кравчук услышал эти слова.

— Вот потому-то, товарищ Найда, мы и должны действовать по законам, раз гитлеровцы попирают элементарные человеческие законы, — сдержанно ответил он. — Кроме того, делаю вам замечание, товарищ Найда: приказ не обсуждается, приказ выполняется! Ясно?

— Ясно, товарищ лейтенант! — вытянувшись и приложив руку к шапке, ответил Найда.

Шагнув к дереву, он в ярости дернул за веревку, и сук с треском обломился.

Водворилась настороженная тишина.

А за сменой всех этих картин упорно, неотступно наблюдала пара немигающих глаз — злобеших, полных неугасимой лютой ненависти.

Но никто даже не подозревал об их присутствии.

И вдруг раздался призывный крик дикой утки. После короткой паузы вновь закрикала утка, и тогда Найда, приставив ладони ко рту, ответил тем же криком.

Это был условный сигнал: пришла помощь, запрошенная Звягинцевым из лагеря, и через несколько минут среди деревьев замелькали четыре человеческие фигуры.

Когда они приблизились, Кравчук удивленно вскрикнул:

— Товарищ майор?!

Да, это был майор Рогов, который счел необходимым обследовать место недавнего боя с батальоном войск СС, а также ознакомиться с местностью, где десантникам предстояло провести, быть может, не одну операцию.

— Здорово, Кравчук! — ответил Рогов, пожимая лейтенанту руку. — Поздравляю, товарищи, с блестяще проведенной операцией.

В это время взгляд его упал на связанного Кирьякова.

От удивления глаза Рогова стали большими и круглыми: в пленном он признал молодого дровосека.

Чернопятюв не покидал землянки, надеясь, что рация, в конце концов, заговорит, а значит, и его опасения за судьбу «Днепра» рассеются.

Но рация попрежнему молчала, и у комиссара уже не оставалось сомнения в том, что партизанский разведчик провалился.

Надо было выручать парня. Как? Что для этого следовало предпринять?

В голове Чернопятюва появлялись один за другим варианты плана освобождения партизана, но все они при зрелом размышлении отпадали как неосуществимые.

Следовало прежде всего учесть, что немцы, обрадовавшись поимке до этого неуловимого партизанского разведчика, будут стеречь его зорче зоркого.

Для полковника Качке «Днепр» казался существом весьма таинственным, его маскировка была настолько тщательной, что начальник гарнизона, несмотря на все принятые меры слежки, не имел никаких данных для подозрений кого бы то ни было из окружающих его лиц. Где он скрывался? Несомненно, где-то рядом, так как все самые секретные действия полковника Качке против партизан разлетались вдребезги потому, что о них каким-то непостижимым образом узнавал этот «Днепр».

«Черт возьми! Кто же он? Кто-нибудь из полицаев? — думал Качке. — Бургомистр города?»

Полковник перетряс все дела русских, находившихся на службе, — машинистов, стрелочников,

обходчиков,— установил за ними негласную слежку и все напрасно.

Тогда он вывесил по городу объявление, в котором посулил за поимку «Днепра» сразу 10 тысяч марок, уверенный, что столь крупная сумма окажет желаемое действие.

Награду пришлось удвоить, потом утроить, тем не менее не нашлось ни одного человека, который приоткрыл бы тайну «Днепра».

«Днепр» попрежнему оставался нераскрытым и неуловимым.

А однажды на одном из таких объявлений жители города прочли следующую надпись, выведенную крупными красными буквами: «Читая, восторгался литературными упражнениями Хоря. «Днепр».

В тот день, рассказывали люди, полковник Курт Амедей фон Качке распалился, как рогач в июньскую пору, и Гуго Вальтеру пришлось долгое время трястись от страха при виде того, как его шеф с пеной у рта всаживал в стену из парабеллума одну пулю за другой.

Поэтому Чернопяттов был уверен, что если Качке удалось сейчас выследить «Днепра», партизанскому разведчику готовился страшный конец.

Вошедший Птицын застал своего комиссара и друга в напряженном раздумье.

— Нет позывных? — спросил он.

— Нет, — ответил Чернопяттов. — Что будем делать, Федор? Парня надо вызволять...

— Надо, — согласился Птицын. — Конечно, надо... Да как это сделать?.. Штурмовать Сухов бессмысленно, для этого у нас нехватит сил. а других путей я пока не вижу...

— И я, — признался Чернопятков.

— Посоветуемся с майором, — после некоторого раздумья произнес командир партизанского отряда. — Он человек умный, боевой и, может быть, найдет выход...

Он прислушался.

— Да, вот, кажется, и наши, — сказал Птицын, различая доносившийся в землянку приветственный гомон партизан.

Это было так: в лагерь вернулась боевая группа Кравчука в сопровождении посланных ей на помощь партизан, которые несли на сооруженных из шинелей, полушубков и тонких жердей носилках двух раненых бойцов.

Но беседа о спасении «Днепра» не состоялась: нарастающие события вдруг были повернуты совсем в противоположную сторону.

10

Не успел Птицын выйти наружу, чтобы встретить героев, как дверь открылась и в землянке появились Рогов, Найда, Вера, Кравчук и связанный по рукам Сергей Кирьяков.

— Это что такое? — спросил пораженный командир партизанского отряда, взглянув на связанного Кирьякова.

Вперед выступил Кравчук и доложил о ходе операции и о захвате пленного с радиопередатчиком.

Когда Кравчук закончил свой короткий рапорт, внезапно заговорила Вера взволнованным, прерывающимся голосом:

— Товарищ командир! Это и есть тот самый... Вы знаете. Мы доставили его в лагерь для суда.

И, потупясь, побледневшая девушка отошла в сторону.

— Позвольте, товарищи, — произнес майор Рогов. — Я заявляю, что с этим человеком далеко не все ясно, как я уже сам, на месте, говорил партизанам, когда они собирались повесить пленного...

— Повесить? — вскричал Чернопятков.

— Так точно, товарищ комиссар! — выступил вперед Найда. — Мы собирались судить предателя на месте, но потом по приказу лейтенанта Кравчука, командира нашего отряда, доставили Кирьякова для суда в наш лагерь.

Рогов рассказал, как вскоре после приземления он встретил дровосека, указавшего ему правильный маршрут следования, а затем спас его от провокатора, который вел Рогова в Болдырево, прямо в руки врагов.

— Этим «дровосеком» был Кирьяков, — закончил Рогов свое взволнованное слово в защиту пленного.

Но Найда никак не мог успокоиться.

— Мне кажется, — сурово заговорил он, — это дело судебного следствия: пусть партизанский суд разберется, почему этот человек напяливал на себя различные личины...

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Чернопятков вынул из ножен морской кортик, который всегда носил с собой, и шагнул к Кирьякову.

На мгновение Вере показалось, что разъяренный комиссар всадит нож в грудь Кирьякову, и она отвернулась, закрыв лицо руками.

Впрочем, это заблуждение было мгновенным: комиссар, конечно, никогда не позволил бы себе

подобные действия против пленного врага, и девушка отняла от лица руки.

Но то, что она увидела, удивило ее еще больше, чем если бы в самом деле Чернопяттов ударил Кирьякова кинжалом в грудь: комиссар спешно разрезал веревки на руках пленного, дружески обнял его и трижды поцеловался с ним.

И командир партизанского отряда сделал то же самое и столь же непонятное: весело и радостно улыбаясь, он прижал Кирьякова к себе, совсем заслонив его своей густой пышной бородой.

Все посетители землянки были растеряны и особенно Найда, который по-детски хлопал веками и даже несколько раз провел пальцами по глазам, словно бы пытался стереть нежданное наваждение.

Вера почувствовала, как сердце ее начало биться с огромной скоростью, она задышалась, прижав руки к груди.

Спокойнее всех воспринял эту странную сцену майор Рогов. Он уже начал догадываться о том, кто был на самом деле его «дровосек».

Натянутое, как струна, напряжение разрядил Птицын.

— Не удивляйтесь, товарищи, — заговорил он. — Никакого суда, никакого следствия не требуется, а разрешите представить вам нашего отважного разведчика, нашего товарища «Днепра»!

Вера почувствовала, как у нее стали подгибаться ноги, и перед глазами вдруг замелькали разноцветные искринки...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕНАВИДЕЛ

1

Банкет, устроенный полковником Качке в честь победы над крупным советским десантом, был в самом разгаре.

Целые окорока, копченые и запеченные в тесте, кирпичи свиного шпига, колбаса, рыба, сыры и, конечно, всевозможные крепкие напитки были разложены, расставлены на столах в актовом зале бывшей школы — ныне резиденции начальника гарнизона.

Оркестр, расположившийся на специально сделанных подмостках, серпантин, свисающий с потолка, — все это превратило актовый зал в шумный ресторан.

Офицеры суховского гарнизона были приглашены на это торжественное пиршество, дабы чествовать капитана Штаубе, победителя над десантом русских парашютистов; были здесь и бургомистр города, и директор местного банка, прибывший из Германии для поправки своих коммерческих дел, и два местных помещика, вернувшиеся при помощи немцев на свои прежние земли, одним словом, в этот вечер собралась вся

та мутная накипь, которая всплыла на поверхность во время фашистской оккупации суховского района.

И вот в самый разгар пиршества, когда вся компания влила в свои глотки изрядное количество вин, водок, наливок, настоек и коньяков, а «сам» хозяин пиршества то и дело стучался головой о край стола и по временам начинал всхрапывать, сползая со стула под стол, в это самое время Гуго Вальтер пришел доложить своему шефу о том, что его желает видеть один известный ему человек по весьма важному делу.

Осовелый, с мутным остановившимся взглядом красных глаз Курт Амедей фон Качке пытался втолковать своему адъютанту, что всех, кто ему станет мешать веселиться, он прикажет распять на кресте, а в лучшем случае разрядит в него свой парабеллум.

Но когда Гуго Вальтер произнес имя «Днепр» и еще одно — «Рихтер», полковник Качке разом почти протрезвел и, пошатываясь, вышел из зала, поддерживаемый адъютантом.

А через минуту Вальтер ввел в кабинет полковника некую уродливую личность — горбатого человека с злым и желтым, как глина, лицом и маленькими прищуренными глазами, в которых тлела большая и неугасимая злоба.

Качке вонзился пьяными глазами в посетителя, но фигура его все время расплывалась — и перед полковником возникало то два, то сразу четыре горбуна. Наконец, когда фигура посетителя оказалась в единственном числе, господин полковник признал в ней своего тайного соглядатая Акселя Рихтера, потомка обрусевших шведов немецкого происхождения, которые, быть мо-

жет, обосновались в России еще со времен полтавской битвы.

Аксель Рихтер или, как его называли суховцы, Сюлька-горбун до войны занимался сапожным ремеслом.

Был он всегда зол, грязен и немного пьян. С людьми Сюлька не разговаривал, а шипел, как гадюка. Ему доставляло истинное наслаждение оставлять в подметках концы острых сапожных гвоздей, чтобы потом поругаться всласть с разозленным заказчиком.

Но свою лютую от природы злобу на все живое утолять на людях приходилось редко и не столь уж ощутимо. Зато собаки были истинной находкой для Сюльки-горбуна.

Он ласково заманивал голодную собаку к себе во двор, а потом бросал ей кусок хлеба или кость за калитку, но так, что зад пса находился внутри двора.

Вот тогда наступала сладострастная для Сюльки минута: с плотоядным оскалом рта, весь дрожа от предвкушаемого наслаждения, он тихо подкрадывался к псу, затем с силой захлопывал калитку, зажав между косяком и дверцами зад несчастного животного.

Собака, пронзительно визжа, устремлялась прочь, волоча за собой переломанные задние ноги.

Вот этого злобного уродца и отыскал господин Качке, а поговорив с ним, сразу понял, на что пригоден швед немецкого происхождения Аксель Рихтер.

Но в маленьких глазках Сюльки-сапожника, устремленных на начальника гарнизона, было столько злобы, что Курт Амедей фон Качке

испугался. Дрожащими руками он схватил свой парабеллум, надеясь испугать собеседника, но встретил все тот же колючий злобный взгляд да пренебрежительную гримасу.

Сюлька никогда не смеялся. Известно, только человеку свойствен смех, животные не смеются, не улыбаются. Поэтому некоторые суховцы утверждали, что Сюлька вовсе не человек, а какое-то злобное животное, имеющее человеческий облик.

Особенно сильно побаивался Сюльку худосочный Гуго Вальтер. Он был уверен, что горбуну ничего не стоит всадить кинжал в спину любому человеку, который ему не понравится.

В числе прочих дел полковник Качке поручил Сюльке выследить «Днепра», за что обещал крупное вознаграждение. Правда, Сюлька только пренебрежительно скривил губы — плевать он хотел на немецкую бумажную макулатуру!

Как ни лихорадило господина Качке от желания поскорее заполучить «Днепра», он не осмеливался грубо подгонять Рихтера, а только просительно говорил:

— Дорогой герр Рихтер, какие есть ваши дела? Нихт вар?

— Я шкашу, когда надо о делах,— шипя, отвечал Сюлька и, получив очередную порцию кредиток, уходил мрачный, молчаливый и злой.

И сейчас он появился в кабинете начальника гарнизона, чтобы наконец-то «шкашать» о «Днепре».

При повторном звуке «Днепр» у господина Качке окончательно выветрились все алкогольные пары настоек, наливок и коньяков. Он даже привстал, вонзаясь взглядом в горбуна, но встре-

тил все те же пугающие, злобные и хищные глаза.

— Вы будет шпрехен правду? — прохрипел он, глотая от волнения сухую слюну.— Нихт вар?

— Я пришел не шутки шутковать,— ответил Сюлька, жуя свои тонкие бескровные губы.

Да, в тот час, после боя, не одни только глаза партизан следили за каждым движением Кирьякова. Была еще пара глаз — злобных и мрачно неподвижных. Они видели и Кирьякова, и партизан, напавших на Кирьякова.

Кажется, в первый раз за всю их жизнь в них промелькнуло что-то похожее на улыбку, это случилось, когда веревка Найды петлей захлестнулась за сук и лишь несколько минут оставалось до того сладостного, волнующего момента, когда ноги повешенного задергаются в предсмертной судороге.

К несчастью для Сюльки, этого не произошло, и опять неподвижные, мрачные, полные злобы глаза продолжали отмечать каждое движение партизан, а слух улавливал каждое их слово.

Поведение Кирьяка и рассказ одного из десантников о дровосеке, спасшем его от фашистских лап, убедили Сюльку, что Кирьяков совсем не то лицо, за которое себя выдает. Сопоставив некоторые факты, он, наконец, пришел к выводу, что Кирьяк и «Днепр» один и тот же человек.

И, кажется, во второй раз за всю свою жизнь и во второй раз за один только день нечто похожее на усмешку скривило тонкие губы Сюльки-горбуна.

Когда партизаны удалились, он не спеша побрел в Сухов.

— Почему вы можете думать, что Кирьяк есть «Днепр»? — спросил Качке с недоверием.

— Потому шчо шнаю — вот и вшо, — ответил Сьюлька своим шипящим голосом. — Шкоро ушнаете и вы... Ушнаете, потому как ваш Кирьяк, побалакав ш партишанами, опять прибудет к вам, как ни в чшом не бывало... Ну, а раш прибудеть, то яшно, шчо он ихний, то ешт партишанский чшеловек...

— Это я буду еще рассмотреть, — попрежнему сомневаясь, проговорил Качке. — Вы можете, герр Рихтер, еще ошибаться... Кирьяк попал к партизанам в плен, и они его будут повешивать...

— А я говорю — прибудеть!.. — стоял Сьюлька на своем.

— О, это было бы великое счастье, — потирая руки, проговорил полковник. — Если вы, герр Рихтер, не будете ошибаться, я могу давать вам крупный куш... Нихт вар?

— Чшихал я на ваш бумажный утиль! — скривил губы Сьюлька. — Нет, гошподин полковник, ша «Днепра» я хошу получить долларами или чшицтым шолотом... Потому, как пошле войны я в Рошии не оштануш — в Америку шбегу... Вот!..

— Зеер гут, — согласился Качке. — Я утверждаю вам эту награду, если Кирьяк вернется сюда... Гуго!..

Сьюлька поднялся и, пхнув рукой замешкавшегося у двери Вальтера, вышел из кабинета.

— Вот что, Гуго, — сказал полковник своему адъютанту. — Поставьте ко мне в кабинет двух автоматчиков... Если Кирьяк придет, мы устроим ему приятную встречу.

Тем временем в землянке командования партизанским отрядом обсуждался план проведения операции № 6.

Слушая Кирьякова, майор Рогов набрасывал на листе бумаги схему расположения каждой бензобашни.

А их было четыре. Глубоко уходя в землю, они выступали на поверхность покатыми стальными куполами, похожими на солдатские каски. Для подрыва нужно было выкопать колодец у каждой башни, чтобы заложить туда взрывчатку. Такая работа потребует много времени и специальных инструментов.

Правда, положение облегчалось тем, что Качке, убежденный в разгроме десанта, отправил назад два батальона войск СС. Все же бензобашни охранялись достаточно зорко, незаметно подобраться к ним и бесшумно заложить взрывчатку — задача абсолютно невыполнимая.

— Опишите, пожалуйста, какие постройки находятся возле башен? — обратился Рогов к Кирьякову.

Разведчик на минуту задумался, в памяти восстанавливая общий план города.

— Прежде всего, установим, — начал он, — что башни расположены в юго-западной части города; башни находятся друг от друга на расстоянии приблизительно 50—60 метров и каждая снабжена своей бензоколонкой. Теперь так: прямо к западу от них, примерно в 250 метрах, стоят фашистские казармы — бывший лабаз. А сразу за казармами — небольшой танкодром, где всегда находится 5—6 машин. Тут же,

невдалеке, конюшня с полусотней лошадей, а чуть левее — сарай с запасами зерна, крупы и масла. Если теперь, — продолжал Кирьяков, — от конюшен мы проведем прямую линию к востоку, то окажемся на главной городской площади, к которой примыкает школа, то есть ныне резиденция начальника гарнизона и местное отделение гестапо...

Рогов быстро наносил на бумагу линии и условные топографические знаки, и, когда Кирьяков закончил, у него уже был готов схематичный план этой части города.

— Н-да, — протянул он, почесывая карандашом переносицу и обращаясь к Птицыну: — Я думаю, Федор Кузьмич, что при ваших наличных силах нельзя рассчитывать на прямую атаку Сухова... Так ведь?

— Так, — согласился Птицын.

— А раз так, то надо придумать что-нибудь другое... Ваш опыт партизанской войны, Федор Кузьмич, имеет здесь решающее значение... Что вы по этому поводу думаете?

— Опыт всегда подсказывал нам, — сдержанно заговорил Птицын, — отвлекать внимание врага от того объекта, на который мы собираемся напасть... Это — первое. Второе — возможно больше распылять его силы, создать все условия для паники...

— В таком случае, было бы неплохо, — сказал Рогов, внимательно рассматривая план города и, как всегда, по привычке, почесывая карандашом переносицу, — было бы неплохо, товарищи, просочиться в город отдельными группами в два-три человека, поджечь танки, конюшни, казармы, сарай с продовольствием, бросить несколько гра-

нат в резиденцию начальника гарнизона. Враг, несомненно, растеряется. Он начнет защищать подожженные нами объекты и тем самым распылит свои силы... Вот тогда группа подрывников и пойдет на выполнение операции № 6... Что вы думаете, товарищи, о таком плане? — спросил Рогов, обводя взглядом всех присутствующих.

— План неплох, — отозвался Чернопятков, по-сасывая пустую трубку. — Плохо то, что все эти объекты расположены близко друг от друга. Качке, должен сказать вам, товарищи, далеко не растяпа, энергии и смекалки у него не занимать. Он быстро сумеет организовать оборону всех объектов сразу, не распыляя свои силы. А это значит, что мы ничего не добьемся...

— Правильно, — со вздохом проговорил Рогов. — Но в таком случае, следует глубже продумать способ решения задачи.

Молчавший до этого Кирьяков по-ученически поднял руку:

— Разрешите мне, товарищи...

— Ну, ну, Сережа, давай, — оживился Птицын, запуская пальцы в бороду и расчесывая ее.

— Мне кажется, без хитрости здесь не обойдешься, — начал он. — И хитрость эта вот такая: я сообщу по рации Качке, будто мне стало достоверно известно, что партизаны собираются напасть на город, скажем, 25-го... Вы же нападете на два дня раньше — 23-го. Второе — я сообщу также, что партизаны готовят удар, скажем, с северо-востока, тогда как мы ударим с юго-запада. При этих условиях Хорь начнет укреплять северо-восточную сторону, обнажив

оборону юго-запада. Ясно также, что, ожидая удара 25-го, он будет спокоен 23-го... Мне кажется, что если в план товарища майора внести эти поправки, выполнить его нам будет сподручнее...

— Толково, — произнес Кравчук.

— У парня котелок надежный, — с грубоватой шуткой сказал Найда, который все еще никак не мог переварить столь достоверный факт, что Кирьяков и партизанский разведчик «Днепр» одно и то же лицо.

Вера бросила на Кирьякова быстрый и восторженный взгляд и тут же потупилась: она тоже еще не совсем уверилась в своем счастье.

— Предложение товарища Кирьякова, — заметил Птицын, — важно еще и тем, что немцы, как вы знаете, всегда строго придерживаются разработанного ими плана: будь это план обороны или наступления. Чуть не по плану, они сразу теряются и начинают метаться, как мыши в мышеловке. А здесь явное нарушение их плана: во-первых, они будут ждать нападения 25-го, а оно произойдет 23-го; во-вторых, они будут готовы к обороне северо-востока, а тут надо защищать юго-запад... Таким образом, растерянность в рядах врага будет несомненной, и наша задача максимально ею воспользоваться... Ну, а ты что скажешь, комиссар? — обратился он к Чернопятову. — Какие у тебя соображения по этому поводу?

Чернопятов, посасывая пустую трубку, вдруг начал торопливо шарить по карманам, ища кисет с табаком, но, вспомнив, что дал слово не курить, со вздохом положил трубку в карман.

— Ты бы, может, закурил, Федор? — несмело проговорил Птицын. — Курильщикам, слышал я, иной раз трудненько решать задачи без хорошей затяжки. А тут у нас задача трудная, надо сказать...

— Ерунда! — решительно заявил Чернопятков, опять всовывая в рот трубку. — То есть ерунда, конечно, не задача, которую мы решаем, а ерунда насчет слабосилья курильщиков... А что касается предложения Сережи, то оно, как здесь уже говорили, толковое предложение... Теперь конкретно: я предлагаю нападение на Сухов совершить завтра на рассвете, а Качке через Сережу сообщить, что нападение состоится послезавтра. Из-за короткого срока немцы с лихорадочной поспешностью примутся за организацию обороны, а это нам тоже на руку: суматохи будет больше.

— Все ясно, товарищи, — сказал Рогов. — План со всеми поправками принимается к действию. Удар на Сухов наносим завтра на рассвете. Только товарищу Кирьякову незачем связываться с Качке по радиации, — он должен доложить ему обо всем при личном свидании. Штаубе ведь оставил Кирьякова для дальнейшего наблюдения за партизанами. Так вот: Кирьяков за это время все высмотрел, подслушал и поспешил сообщить своему шефу. Так будет естественнее...

Все мельчайшие детали плана операции № 6 были тщательно проверены, взвешены, были намечены группы по поджогам и подрыву всех объектов и составлена основная группа во главе с Кравчуком для подрыва бензобашен.

Руководство операцией брал на себя майор Рогов.

Все, все было предусмотрено и, казалось, ничто уже не помешает благополучному завершению операции № 6.

Но вдруг произошло событие, которое резко изменило весь тщательно разработанный план. План рухнул самым неожиданным образом.

И эту катастрофу никто не предвидел.

3

Она разразилась внезапно, спустя три часа после совещания в партизанском лагере.

...Кирияков спешил в Сухов.

Возбужденный, с наигранной печатью загадочности на лице, он быстро вошел в приемную начальника гарнизона и попросил Гуго Вальтера доложить о себе полковнику Качке.

Если бы Сергей Кирияков не был так занят предстоящим разговором с начальником гарнизона, он заметил бы странный бегающий взгляд худосочного адъютанта и его пугливую торопливость. Он связал бы также эту суматошливость Вальтера с злобным прищуренным взглядом Сюльки-горбуна, которого он встретил на улице недалеко от резиденции начальника гарнизона.

Но Кирияков был слишком озабочен предстоящим докладом и ничего необычного в поступках Гуго Вальтера не приметил, как не приметил ничего подозрительного в очень уж внимательном, злобном взгляде горбуна.

Поэтому, когда адъютант, слегка заикаясь, сказал, что герр полковник ждет герра Кириякова, Сергей спокойно переступил порог кабинета.

— Гутен морген, герр полковник! — поздоровался он, вытягиваясь во фронт.

Полковник Курт Амедей фон Качке сидел за письменным столом, водрузив на голову резиновый пузырь со льдом: после давешней пирушки у полковника нестерпимо трещала голова.

Помимо того, смесь всевозможных крепких напитков, поглощенных им, вызывала тошноту, и, конечно, Курт Амедей фон Качке находился в самом скверном расположении духа.

— Прибыл с важным донесением, — многозначительно добавил Кирьяков, попрежнему вытягиваясь в струнку. — Имею точные сведения о намерениях партизан...

Злорадная улыбка, как гусеница, вползла на губы полковника.

— О, это есть зеер гут, — проскрипел он.

— Разрешите докладывать? — спросил Кирьяков.

Курт Амедей фон Качке движением губ как бы сбросил гусеницу, и его глаза вонзились в Кирьякова.

— Это очень интересно, — промямлил он и вдруг выпалил, громко рявкнув:

— Разрешаю докладывать вам, «товарищ Днепр»!

У Кирьякова сразу стало сухо во рту. Он сглотнул ком слюны, подступивший к горлу, и постарался изобразить на своем лице искреннее удивление.

— «Товарищ Днепр»? Господин полковник, очевидно, хочет пошутить?..

— Это правда есть, — замотал он головой. — Теперь я буду шутить с «товарищ Днепр», как

он долго шутил со мной... Но моя шутка будет очень серьезной. Нихт вар?

Он самодовольно хихикнул, радуясь своему каламбуру и тому важному обстоятельству, что наконец-то ему удалось схватить этого таинственного партизанского разведчика.

Кирияков понял, что для него теперь все кончено. Запирательство, игра в невинность — все это пустая трата времени. Он окинул быстрым взглядом кабинет, на мгновение остановился на окнах, еще не зарешеченных, и стремительным прыжком очутился возле них.

Оставалось сделать один скачок на подоконник, проломить ударом кулака раму и... Но из-за оконных портьер вдруг словно бы вынырнули два дюжих эсэсовца и разом на него навалились.

Пока Сергея Кириякова накрепко скручивали веревкой по рукам и по ногам, Курт Амедей фон Качке удовлетворенно хихикал, скаля свои крепкие и острые, как у хорька, зубы.

А когда связанного Кириякова эсэсовцы втиснули в кресло, он сказал:

— Мы сейчас, «товарич Днепр», будем вести с вами замечательный разговор... Важный разговор... Конфиденциальный разговор... Нихт вар?

Кирияков ничуть не сомневался в том, что Хорь поведет с ним разговор по-своему, по-хорьковому. Но он и не подозревал, какой неожиданный оборот примут события и какую тему беседы с ним изберет полковник Качке.

Он думал сейчас об одном: кто предал его? А, может быть, никто и не предавал — он сам сделал важное, но незамеченное им упущение? Какое? При каких обстоятельствах?..

Лихорадочные мысли наплывали, сталкивались меж собой в то время, как полковник Качке шагал по кабинету, все больше и больше возбуждаясь. Пузырь со льдом Качке швырнул в угол: внезапно возникшая горделивая мысль оказалась лучшим средством против головной боли.

«Да, да, только так... только так», — думал он и все больше убеждался в том, что нашел способ окончательно разделаться с партизанским отрядом, как он уже разделался с советским десантом. О, удачно осуществить задуманную тонкую операцию по уничтожению партизан — значит подняться по лестнице карьеры на очень высокую ступеньку. Тут пахнет не просто железным крестом, как в деле с десантниками, нет, о нет!.. За это дело он добьется места гаулейтера и не где-нибудь, а на благословенном побережье Средиземного моря, во Франции, среди виноградников Бургундии, где на каждом шагу не таится партизан с наведенным в голову немецкому колонизатору дулом пистолета...

— Это замечательный план, это гениальный план, — пробормотал Качке и вдруг, резко повернувшись, остановился перед Кирьяковым.

К удивлению молодого партизана, герр Качке смастерил на своем лице дружескую улыбку и радушное благорасположение.

— Я говорил, — начал он, — у нас будет очень конфиденциальный разговор... Но я буду добавлять также — конфиденциальный и дружеский. Нихт вар? Очень дружеский...

Взгляд его вдруг переметнулся к рации, стоящей в углу кабинета на ломберном столике возле дивана.

— Вы, конечно, герр Кирьяк, имеете знакомство с настоящим музыкальным кастен¹. Нихт вар?

Он помолчал.

— Цели, которые вы, герр Кирьяк, имели перед собой, — продолжал в дружелюбном тоне полковник Качке, — неожиданно пересеклись с целями, которые я имею перед собой... Нихт вар?

— Нет, — ответил Кирьяков, действительно, ничего не понимая.

— О, вы сейчас будете все очень хорошо понимать, — с ласковой ухмылкой сказал Качке-Хорь. — Но прежде я имею намерение говорить вам так: вы — человек молодой, перед вами еще очень большая жизнь пройдет... Но жизнь большая не есть красивая без крупного богатства и без высокого положения в карьере... Нихт вар? Комфорт, шикарные женщины, вилла, например, на берегу синьяго, как у вас говорится, моря, быстроходная яхта для прогулки с друзьями по всем морям и океанам... О, это есть, действительно, красивая и полная приятных, волнующих ощущений жизнь... Нихт вар?..

У Кирьякова глаза все больше и больше округлялись: он решительно не понимал, к чему сие красноречие герра полковника и куда он, герр полковник, клонит?

«Что-то уж больно распелась эта сирена, — подумал он. — Надо быть настороже».

А полковник Курт Амедей фон Качке пел и пел, и перед глазами Кирьякова рисовалась одна картина за другой его великолепной, шикарной, красивой, ослепительной жизни, жизни в виллах,

---

¹ Кастен — ящик (нем.).

на увеселительных яхтах, во дворцах, одним словом, нечто сказочное, но, конечно, при условии, если... если...

— Если герр Кирьяк сделает одну маленькую, ну, совсем ничтожную услугу,— закончил Качке свое словоизлияние и замолчал выжидая.

— Какую? — осторожно спросил Кирьяков, все еще не улавливая мысли Хоря.

Но для полковника Курта Амедея фон Качке давно было уже все ясно. Впервые эта мысль промелькнула у него во время беседы с Сьюлькой-горбуном, а сейчас она обрела вполне четкие контуры.

И эта мысль сводилась к следующему.

Он, полковник фон Качке, заставит «Днепра», с помощью ли посулов или пыток, но, во всяком случае, заставит его вызвать по радиции весь партизанский отряд в определенное место для якобы неотложной операции... Например, для разгрома карательной экспедиции, будто бы выступившей в поход против партизан. Партизаны, услышав от своего разведчика о выступлении карательной экспедиции, конечно, воспользуются случаем устроить засаду и разгромить ее, тогда как в засаду попадут партизаны и все, все до одного будут уничтожены, в том числе и сам герр Кирьяк, и, может быть, как раз в тот момент, когда в своем радужном воображении он станет выплывать на яхте в открытое море.

Курт Амедей фон Качке про себя хихикнул, его узко посаженные глазки хоря блеснули хищно и плотоядно.

О, это ультрагениальный план! Ни одного партизана в его секторе! Полное уничтожение! И в результате, самое главное, самое заветное:

чины, награды, место гаулейтера или, в крайнем случае, его помощника на берегу ласкового, бирюзового моря, напоенного ароматом цветущих оливковых рощ.

Мысли полковника становились все более приятными, все более захватывающими. Вот что значит удача!.. Фарт, как говорят янки, для которых нынешняя война, действительно, является фартом, доходным бизнесом... Они умеют мейк моней¹ и жиреть, не проливая капли крови.

Полковник фон Качке усмехнулся, вспомнив, как он ездил в Швецию принимать каучук и олово, свинец и вольфрам, да и многое другое стратегическое сырье, проданное Америкой будто бы шведскому правительству, на деле же через шведско-германский картель переданное на заводы Болен фон Круппа.

И, может быть, снаряд, пущенный из орудия, изготовленного с помощью американского сырья, разнес не один десяток джи-ай онкль Сэма.² О кей! Шурли!

Да, эта мысль настолько развеселила полковника Качке, что он вдруг громко расхохотался, к удивлению Сергея Кирьякова.

Да, именно, фарт, удача. Надо только не упустить удобный случай...

— Вы есть замечательный конспиратор, герр Кирьяк, — польстил Качке, пригоставливаясь изложить главную суть задуманного им дела.

Но он начал издалека.

— Германия умеет отдавать справедливость даже врагам, — сказал Качке в том же дружес-

---

¹ Мейк моней — делать деньги (англ.).

² Джи-ай онкль Сэма — солдат дяди Сэма (англ.).

любном тоне. — Но друзьям она очень благоприятствует («пока они ей нужны», — мелькнула тут же мысль), то есть благоволит, герр Кирьяк... Возносит их очень высоко... Награждает... Предоставляет богатую и красивую жизнь, о которой я уже вам имел говорить... Никт вар?

«К чему это он клонит? Чего от меня хочет?» — думал Кирьяков.

Сделав такое вступление, полковник Качке изложил перед Кирьяковым свой план разгрома партизан во всех его формах, а затем счел необходимым наглядно показать и обратную сторону вычеканенной им красивой медали, то есть то, что ждет того, кто вздумал бы не исполнить требования Курта Амедея фон Качке.

С этой целью он подошел к стене, занавешенной бархатными тяжелыми портьерами, и отдернул их. В стене показалась наглухо закрытая дверь.

Кирьяков с интересом наблюдал, что будет дальше.

4

— Смотрите! — сипло прохрипел Качке и ударом ноги распахнул дверь.

И Кирьяков глянул. Лицо его сразу посерело, серыми стали и задрожавшие губы.

Но он смотрел.

Он смотрел, не мигая, в пролет двери, за которым в мертвенном полумраке синих ламп виднелся врытый в землю острый кол и насаженный на него человек. Человек был проткнут насквозь, острие кола, пробив грудную клетку, торчало чуть пониже левой ключицы. Мертвый не мог

сползти, потому что в середине кола был вбит длинный плотничный гвоздь.

— Смотрите! — повторил Качке, уверенный, что после такого зрелища вряд ли сыщется человек, который отвергнет его требования.

Липкий пот выступил на теле Кирьякова, он с трудом держался, чтобы не потерять сознания, но не отводил глаз от чудовищной картины.

В глубине застенка он увидел, кроме того, переплет из бревен, к которым были подвешены обнаженные человеческие фигуры.

— Я не имею желаний, чтобы герр Кирьяк был в таком зале, — с явной издевкой произнес Качке и хихикнул.

Щеки молодого разведчика как-то сразу старчески ввалились, обескровленные губы плотно сжались, волосы взмокли, а по лицу струйками катился пот.

Но, испытывая свое мужество, он неотрывно смотрел на замученного человека, насаженного на кол. Казалось, он ничего не видел, кроме этой страшной фигуры...

Кто ты, товарищ? Кто мать твоя, которая с молоком напоила тебя силой? Где закалил ты сердце свое и кого призывал в свой последний предсмертный час?

Кто ты, товарищ?..

Сергей Кирьяков смотрел, плотно сжав бескровные губы, смотрел молча, не шевелясь...

Когда дверь захлопнулась и бархатная портьера вновь скрыла это чудовищное место страдания и смерти, Качке поднялся с кресла и, разложив перед Кирьяковым карту, сказал:

— Сейчас вы будете слушать и запоминать...

Господин Качке хорошо продумал всю операцию. Она была чрезвычайно проста. Партизанский отряд, разделенный на три отдельные группы, призывается Кирьяковым в квадраты, указанные полковником Качке, попадает в засаду и уничтожается.

Кирьяков сидел молча, опустив голову. В случае отказа его ждет страшная, нечеловеческая пытка. Хватит ли у него мужества, чтобы вынести ее и молчать? А если не хватит? Если боль, рвущая тело на части, заставит его сделать то, что требует враг?

Молодой разведчик застонал от приступа гнетущей тоски.

Что делать?

Какие шаги предпринять, чтобы спасти партизанский отряд и его дорогих гостей — десантников, если даже в последнюю минуту изменят ему силы?

На мгновение он представил себя в этом чудовищном застенке и почувствовал, что мужество оставляет его: липкий пот вновь начал стекать по лицу, перехватило дыхание, гулко, до щемящей боли заколотилось сердце.

Одно, только одно слово «нет!», и сразу он окажется вот за той страшной дверью.

Курт Амедей фон Качке ждал, по-бычьи наклонив голову.

— Ну? — наконец произнес он с угрозой. — Вы есть готовы?

Где взять молодому человеку силы для страшных мучительных пыток?

И Кирьяков, не поднимая головы, проговорил тихо, почти шопотом:

— Да... Поставьте мне на колени рацию и развяжите руки...

— Битте, герр Кирьяк, — потирая руки, торопливо забормотал Качке, суетясь от радости и возбуждения. — Я очень был уверен, что вы будете эер гут понимать: жизнь есть чудесный дар, единственный дар, и только болван легко оставляет ее... Битте, герр Кирьяк, прошу вас называть такие пункты...

5

Все было готово к проведению операции № 6. Рогов ждал только условленного сигнала от «Днепра», чтобы сразу же выступить.

Был проинструктирован каждый участник операции, удалось даже провести учебную тренировку по взрыву бензобашен, по организации паники среди врагов.

Да, все было готово.

Но «Днепр» молчал.

Прошло уже больше часа после того, как разведчик должен был сигнализировать партизанам, но сигнала не было.

— Не случилась ли беда? — недоумевал Рогов, досадуя на задержку в выступлении и тревожась за всю операцию. — Не придумал ли ваш Хорь какую-нибудь хитрость в последнюю минуту, и «Днепру» не ясен еще весь замысел врага? А? Как вы думаете, товарищ?

— Черт его знает! — ответил Птицын, который тоже не мог объяснить молчание Кирьякова. — Могу только сказать, что хитрости

у Хоря, действительно, много, башка у него не пустая, и с ним надо держать ухо востро.

Чернопяттов ходил по землянке, заложив руки за спину и посасывая потухшую трубку,— два шага вперед — кругом — два шага назад.

За стенами землянки гудел ветер, раскачивая вершины сосен и елей. По временам падала «крупа» — смерзшиеся влажные снежинки, похожие на гречку. Где-то возле болота стонала выпь.

Вдруг ходивший Чернопяттов сразу остановился — слышались долгожданные позывные «Днепра».

— Ну, слава те господи, — облегченно вздохнул Птицын, и все присутствующие почувствовали, будто с их плеч сбросили огромной тяжести груз.

Но никто из них не подозревал, где в настоящую минуту находится «Днепр» и откуда он подает условленный сигнал.

Вера села за рацию.

«Принимайте! Принимайте! — стучал далекий Кирьяков.— Сообщите, что меня слышите! Сообщите... Перехожу на прием...»

— Видно, что-то особо важное, раз товарищ Кирьяков хочет убедиться, что его хорошо слышат,— заметил лейтенант Кравчук.

Вера настроила рацию на передачу и, дав знать радисту, что его услышали, вновь перешла на прием.

Вот тогда-то и застучал ключ, застучал с лихорадочной быстротой. Девушка еле успела запи-

сать это короткое, неожиданное и ошеломляющее сообщение:

«Я арестован Качке... Все передачи от моего имени, если таковые будут после настоящего сообщения, считать недействительными... Прощайте, дорогие друзья, прощай жи...»

На этом полуслове передача внезапно оборвалась.

Да, Сергей Кирьяков нашел способ спасти партизан. С этой минуты любые сигналы на его волне, по его коду и шифру никто бы уже не принял, даже если бы он сам уселся за рацию. Все было кончено, корабли сожжены...

Прощайте, дорогие друзья! Прощай, жизнь!

Сообщение было настолько ошеломляющим, что некоторое время все сидели молча, с недоумением посматривая друг на друга.

— Та-ак! — наконец протянул Птицын.

— Кто же его предал? — тихо, как будто про себя, произнес Чернопятков.

— Я! — вдруг отчетливо и громко прозвучал голос Веры.

Щеки ее ввалились, лицо пошло пятнами, лихорадочно заблестели большие круглые глаза девушки.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Окстись! — строго проговорил Птицын. — Время не для шуток.

— А я думаю, товарищ Холодова не шутит, — сурово ответил Рогов.

— Ну, знаете, — заволновался Найда и взмахнул руками, но тут же замолчал, не зная, что сказать.

— Я не шучу, Федор Кузьмич,— тихо, с тоской продолжала девушка.— Я знаю, что виновата в гибели Сережи... Если б не мое ошибочное о нем мнение, ничего бы не произошло...

— Причем тут твое «ошибочное мнение»? — резко выкрикнул Птицын.

— А вот причем, — ответила девушка. — Видно, кто-то следил за Кирьяковым, когда мы его давеча схватили в лесу... А когда потом он все же вернулся к немцам, Хорю стало ясно: Кирьяков, конечно, не враг партизанам... А раз не враг, значит, друг...

— Логично, — согласился Рогов.

— И трагично, — добавил Найда.

— Ерунда все это, девушка,— заметил Чернопятков, — не возводи на себя напрасный поклеп... Впрочем, если бы даже ты и оказалась права в своих предположениях, вина твоя настолько относительна, что не о ней сейчас надо говорить. Сейчас надо говорить о том, как выручить нашего товарища...

— Правильно, — подтвердил Рогов. — И прежде всего надо узнать, где он находится?

— Я узнаю, — быстро подхватила Вера.— Разрешите, товарищ майор, — обратилась она к Рогову, — отправиться в Сухов и разведать, где находится товарищ Кирьяков?

— Мысль неплохая, — ответил майор. — Но вместе с вами, товарищ Холодова, в разведку отправлюсь и я...

— Разрешите, товарищ майор? — сказал Кравчук. — Мне думается, что такое дело надо бы поручить мне с Зеленцовым или с Холовым...

— Нет! — твердо заявил Рогов. — Чтобы успешно руководить предстоящей операцией, нужно точно знать местность. Поэтому я считаю совершенно необходимым лично осмотреть все объекты, которые подвергнутся нападению, и, ознакомившись с обстановкой, приступить к операции № 6. Будьте, товарищи, готовы, — добавил майор, — выступить в поход сейчас же после моей радиограммы из Сухова. Время не ждет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОПЕРАЦИЯ № 6

1

Да, время не ждало. Опять распахнулась тяжелая бархатная портьера и опять Кирьяков увидел страшный гестаповский застенок.

Но на этот раз он не был только зрителем: два гестаповца, подхватив его под руки, рывком втолкнули в пыточную камеру. Неслышно за ним захлопнулась дверь.

Полковник Курт Амедей фон Качке, заложив руки за спину и сбывчив голову, начал бегать по кабинету, изредка пуская в стену пулю за пулей из своего парабеллума. Это была бессильная, клокочущая ярость: так тщательно разработанный план уничтожения партизан рухнул, рухнула и карьера гаулейтера на берегу бирюзового Средиземного моря.

И Гуго Вальтер, весь трясясь, покрытый потом, с ужасом ждал, что герр полковник в бешенстве всадит в его тело всю обойму парабеллума.

Но вдруг полковник остановился. И бегающие глаза его тоже остановились на адъютанте: Гуго

Вальтер втянул голову в плечи и закрыл глаза в ожидании последнего своего часа.

Вместо выстрела он с радостью услышал сильный крик полковника:

— Скажите там, чтобы к Кирьяку никто не прикасался... Я сам — слышите, Вальтер? Я сам займусь им, и пусть он заранее проклянет день своего рождения и благословит час своей смерти. Слышите, Вальтер?

Гуго Вальтер, получив, наконец, право удалиться из кабинета, стремительно рванулся к двери, шепча дрожащими губами нечто похожее на молитву.

2

Слепой в сопровождении молодой девушки — поводыря шел по улице города, перебирая струны гитары и гнусавым голосом тянул какую-то жалостливую песню.

Остановившись перед резиденцией начальника гарнизона, слепой заговорил:

— Помогите слепенькому во имя Христа, добрые господа... Дайте на пропитание, что будет угодно вашей милости...

И, дернув струны, сипло запел.

Но часовой, стоявший у входа, не разжалобился при упоминании имени Христа, он выбросил впереди себя автомат и рявкнул:

— Треэтн зи цур зайте! (Отойдите!)

Девушка схватила за руку слепца и потащила его прочь, и тот шел за ней, тыкая впереди себя длинную, как посох, палку, и невидящие глаза его, закрытые темными стеклами очков, были неподвижно устремлены в одну точку.

В этот день слепец в сопровождении поводыря обошел весь город. Он побывал у танкодрома, возле казарм, у сарая с продовольствием, приблизился было и к бензобашням, но оттуда без всякого предупреждения часовой стеганул по ним из автомата, и слепой поспешил скрыться в глухой переулочек.

Везде слепой гнусавил свои песни, ему подтягивала девушка. Они заговаривали с жителями города, прислушивались к разговорам немецких солдат, и только к вечеру медленно побрели из города.

Наступившие сумерки вскоре их скрыли.

Наконец, они остановились среди темного поля, и слепой осторожно потянул нижнюю стенку гитары и она отодвинулась. Внутри гитары оказался портативный радиопередатчик.

— Ну, товарищ Холодова, действуйте, — проговорил «слепец». — Радируйте Федору Кузьмичу: пусть он ровно через час приступает к операции... Порядок штурма Сухова — по плану... Действуйте, девушка!..

— Товарищ майор, — тихо сказала Вера. — А как же быть с Сережей?.. Ведь фашисты его сразу убьют, как только начнется штурм резиденции... При этом не только Кирьяков погибнет, погибнут все, кто находится в застенке...

— Не допустим, Вера, — успокоил Рогов девушку. — Я дал указание Гапаридзе и Камневу, чтобы они прежде всего незаметно проникли в кабинет Качке.

— А если Сережа не в школе? — спросила девушка.

— Этого быть не может... Мы убедились с вами, что гестаповский застенок находится толь-

ко в школе и при этом рядом с кабинетом Качке. Неужели вы думаете, что такого человека, как «Днепр», полковник отправил в городскую тюрьму... Нет, девушка, можете быть уверены, он держит его рядом с собой...

— А если...— начала Вера и не досказала: в ее воображении возникла страшная картина — изувеченный, с изломанными костями молодой разведчик, попавший, как бы там ни говорили, в лапы Качке по ее вине.

Но Рогов понял девушку.

— Будем надеяться, что ничего непоправимого не произошло... Времени для этого было слишком мало...

— Товарищ майор! — взмолилась девушка, и горячие руки ее вцепились в Рогова. — Времени для этого не нужно много... Может быть, уже сейчас?.. Вот в эту минуту? А?

Она бросила руки к глазам, как будто хотела заслонить то страшное, что рисовалось ее воображением.

— Успокойтесь, — ласково проговорил Рогов. — Через час начнется штурм и...

— Но почему через час? — задыхающимся шопотом спросила она. — Ведь это очень много, товарищ майор... Нельзя ли раньше? Ради бога, товарищ майор!..

— Да поймите же вы, милая девушка, — убеждал ее Рогов, — что час — самый короткий срок. Всего бы лучше — штурм начать подальше за полночь, когда немцы уже утомятся и в эту ночь не будут ждать нападения, но именно из-за товарища Кирьякова я назначил такой короткий срок... Итак, все ясно... Радируйте о штурме.

Штурм начался спустя несколько минут после полуночи.

К небу вдруг взвился гигантский сноп огня, а через минуту — второй. Это горели подожженные группой Алексея Найды две цистерны с маслом, только сегодня доставленные на танкодром. Потом огонь перебросился на сарай с продовольствием, предназначенным для проходящих через Сухов армейских частей.

Сначала по крыше сарая поползли розовые острые языки пламени. Потом, обретая силу, они вдруг загудели, и яростное шипение огня начало швырять в небо охапки багрового дыма и искр. Горящие мешки с крупой лопались от жара, и сухое зерно взлетало кверху, как шрапнель.

К месту пожаров бежали немцы. Они строчили по огню из автоматов, как будто свинцовый ливень мог захлестнуть пожар или в этом воющем пламени могли быть те, которые подожгли сарай.

А когда загорелись конюшни, и взрывы гранат начали раздаваться все чаще и в разных местах, и пули стали повизгивать возле бензобашен, охрана их залегла в канавах.

Лейтенант Кравчук, затаившийся недалеко со своей группой саперов, воспользовался благоприятно сложившейся обстановкой и отдал приказ немедленно рыть колодцы для закладки ящиков с толом.

Саперы поползли...

Тем временем огонь, охватив все прилегающие к бензобашням постройки, переметнулся на бывший продовольственный магазин, где ныне

были сложены ящики со сливочным маслом, предназначенным для отправки в Берлин.

Вот тут-то огонь потек по земле, как расплавленный чугунок. Кипящее масло трещало, фонтаны мелких горячих брызг разлетались во все стороны, поражая тех, кто подходил близко. Удушливый чад забирался в легкие и раздираал их в сухом кашле.

Повсюду огонь ревел уже грозно и величественно.

Но растерянность среди немцев достигла своей вершины в тот момент, когда вырвавшиеся из конюшни лошади, раздувая ноздри, бешеным аллюром поскакали в промежутки, не охваченные еще пожаром. Но в эти промежутки устремились и солдаты, брошенные полковником Качке для борьбы с огнем. Ошалевшие кони — у некоторых горели развевающиеся хвосты и гривы — врезались в пожарников, подминая их под копыта.

Создалась та чудовищная неразбериха, где трезвый голос замолкает и начинает властвовать инстинкт самосохранения.

Огонь, потушенный в одном месте, неожиданно возникал в другом, и вскоре полковник Качке с ужасом заметил, что этой бушующей стихией управляет опытная и умелая рука: очаги огня, возникая в разных местах, неумолимо брали в кольцо резиденцию начальника гарнизона.

Он сам пытался руководить, как боем, борьбой с пожарами, но оказалось, что телефонная связь прервана, и начальник гарнизона был отрезан от всех воинских частей, орудующих где-то там, в этом воющем, клокочущем пламени.

Курт Амедей фон Качке в сопровождении своего адъютанта выбежал из кабинета на улицу и

сразу увидел невдалеке огненные смерчи. Он уже собрался отдать приказание Гуго Вальтеру отправиться туда, к фронту пожаров, но понял, что это бесполезно: прорваться сквозь ревущее пламя не под силу человеку, тем более такому трусливому, как его адъютант Гуго Вальтер.

Тогда он отдал приказ попытаться исправить телефонную линию, и Вальтер, взяв с собой двух часовых, отправился выполнять приказание своего шефа. Он знал, что его экспедиция ни к чему не приведет, что провода перерезаны партизанами во многих местах и что эти места охвачены огнем, но он ушел потому, что боялся полковника, пожалуй, больше, чем ревущего огня.

Курт Амедей фон Качке постоял некоторое время на улице, бормоча про себя ругательства и от бессильной ярости топя ногами, потом вернулся в кабинет и опять завертел ручки действующих телефонных аппаратов.

В бешенстве он схватил парабеллум и выпустил в стену всю обойму патронов, как вдруг окно его кабинета, выходящее в палисадник, распахнулось и перед глазами изумленного полковника предстали две человеческие фигуры.

Несколько секунд Курт Амедей фон Качке стоял молча, бегающие глаза его все больше округлялись. Потом внезапно возле самого носа господина полковника появилось, как бы повиснув в воздухе, колечко из вороненой стали. Он сразу признал в нем дуло револьвера и поспешил поднять руки.

При этом его парабеллум с грохотом упал на пол.

— Вот так-то лучше, — проговорил один из пришедших на хорошем немецком языке и, под-

няв с пола полковничий парабеллум, добавил:—
Откройте ваш застенок! Быстро!

Под гипнотизирующим взглядом холодных, решительных глаз, под круглым колечком револьверного дула герр Курт Амедей фон Качке автоматически шагнул к стене, завешенной бархатной шторой, отдернул ее и повернул торчащий в замке ключ...

Неслышно открылась дверь, из темного угла застенка быстро отделилась фигура человека. Человек постоял некоторое время, недоуменно глядя в пролет распахнутой двери, затем, рванувшись вперед, перескочил порог.

— Гапаридзе! Камнев! Как же это?!— вскричал он, видимо, еще не совсем разобравшись в том, что происходило.

— Ну, товарищ Кирьяков, — сказал Камнев.— Не медли... Возьми вот полковничий парабеллум — он тебе сойдет, и в путь.

— Сначала спроси у этого герра, — сказал Гапаридзе, — где у него лежат патроны — не то парабеллум его не лучше полена дров...

— Я знаю, — поспешно ответил Кирьяков, бросаясь к письменному столу и выдвигая один из ящиков, — вот они... Здесь их не меньше сотни пачек...

Набив патронами карманы, Кирьяков обратился к десантникам:

— Ну, ребята, теперь надо вызволить еще двух товарищей из этого застенка... Только... только, — добавил он сурово, бросив гневный взгляд на полковника, — их надо нести, сами они двигаться не могут...

— Камнев, покажи свою силу, друг, — сказал Гапаридзе, войдя в застенок.

Но когда он увидел двух человек — старика и юношу, губы его задрожали, глаза широко раскрылись и, шагнув к фашистскому полковнику, он с трудом выдал из себя несколько слов:

— Это... что же... медуза? А? Что?.. Тебя спрашиваю?

..Тем временем огонь брал в тугое кольцо немецкие части.

Майор Рогов, руководивший всей операцией, устроил свой КП вблизи главного объекта сегодняшнего удара — бензобашен, где уже работали саперы Кравчука.

Кравчук не довольствовался тем, что часовые бензобашен лежали на земле, хоронясь от злобно повизгивающих пуль, он отдал приказ неслышно уничтожить их и одновременно запросил у Рогова нескольких человек, которые должны будут помешать подходу немецкого подкрепления.

Но Рогов предвидел подход подкрепления и заранее выслал к башням группу в пятнадцать человек. Командование этой группой взял на себя комиссар Чернопяттов.

— «Волна», как у вас дела? — спросил Рогов у Кравчука.

И «Волна» ответила, что удалось выкопать пока только два колодца.

К этому времени Птицын, руководивший диверсионной группой, донес, что немцы начинают приходить в себя. Капитану Штаубе удалось ликвидировать пожар в двух пунктах, и поэтому его, Птицына, группа начинает испытывать сильный нажим противника.

Что это за «нажим», Рогову было ясно. Это значило, что Штаубе бросил большие силы для того, чтобы окружить группу Птицына и тем са-

мым предотвратить возникновение новых очагов пожара и других диверсий.

Рогов не сомневался также, что капитан Штаубе со временем разгадает направление главного удара, а значит, убедится в том, что его победная реплика об уничтожении десанта — пустая бумажка. Но пока он еще, видимо, не догадался об этом и строил свой план защиты на отсутствии десантников.

Поэтому Рогов приказал диверсионной группе Птицына рассеяться по одному, по два и во что бы то ни стало усилить диверсии в разных пунктах: Штаубе должен распылять свои силы, не догадываясь о главном замысле партизан.

На этом заблуждении Штаубе майор Рогов и строил свои расчеты.

Они оказались правильными.

Штаубе не спешил с подкреплением к бензобашням, уверенный, что им не грозит никакая опасность: просто партизаны из мести за гибель десанта устроили суховскому гарнизону эту трепку. Он бросил часть своих сил на спасение артиллерийского парка и танков, половина которых уже догорала.

И все же наступил тот момент, когда инициатива начала ускользать из рук Рогова: то там, то здесь гасли очаги пожаров и освобождавшиеся силы немцев бросались на другие объекты.

Беспокоило майора и другое: отсутствие сведений о Гапаридзе и Камневе — как у них там с освобождением Кирьякова и других узников? Удалось ли им захватить Качке, чтобы лишить гарнизон главного руководства боем?

Бой уже длился около получаса, когда перед Роговым внезапно появились три фигуры — две

из них несли нечто похожее на носилки, а третья — большой куль на спине.

Фигуры приблизились, и Рогов с радостью узнал своих бойцов Камнева, Гапаридзе и партизанского разведчика Сергея Кирьякова.

— Что это у вас, Камнев? — спросил он, когда солдат сбросил на землю свой куль, и этот куль вдруг издал какие-то невнятные хрюкающие звуки.

— Полковник Качке, — отрапортовал Камнев. — Начальник здешнего гарнизона.

Но эта фигура мало заинтересовала майора Рогова, он занялся двумя изувеченными узниками из застенка гестапо.

— Вот что, товарищи, — сказал майор, — этих людей следует немедленно эвакуировать из города. Заодно прихватите и немецкого хорька... Отправляйтесь в путь...

— Разрешите, товарищ майор! — заволновался Гапаридзе. — Я еще не успел подрасться с фашистами... Пошлите кого-нибудь другого, товарищ майор... А я.. я пойду вон туда... Там сейчас жарко.

— Товарищ майор! — слышался и другой умоляющий голос.

— Говорите, Камнев...

— Пускай этих двух товарищей отнесут те бойцы, которые получили не особо тяжелые ранения... В бою им все равно оставаться невозможно... А мы... Мы, товарищ майор, даже царапины не получили...

— Что же касается Хоря, товарищ майор, — заговорил опять Гапаридзе, — то тащить его не нужно — сам побежит, ноги у него крепкие...

Только сунуть ему в рот кляп да связать покрепче руки.

Совет был дельный, и Рогов согласился, одновременно приказав Гапаридзе и Камневу пойти в группу комиссара Чернопятова, блокирующую подход к бензобашням.

— Там скоро будет очень жарко, товарищи... это — решительный участок сегодняшнего боя. Идите!

— Разрешите и мне туда, товарищ майор, — попросил Кирьяков.

— Ну, вам бы я посоветовал сопровождать носилки и «языка», — сказал Рогов. — Но знаю, что для вас это хуже наказания, поэтому настаивать не буду... Идите!

Три бойца, откозыряв майору, быстро скрылись в темноте ночи, спеша туда, где, по словам Рогова, скоро должен был начаться жаркий бой.

4

И Рогов оказался прав: решительное и самое яростное сражение операции № 6 начиналось.

Капитан Штаубе наконец-то сообразил, что все это время питался иллюзиями и что главное направление сегодняшнего удара партизан — бензобашни.

Поэтому группе Чернопятова пришлось выдерживать сильный натиск. Но под частым пулеметным и автоматным огнем врагу пришлось залечь: так была отбита первая атака.

Чернопятовцы сражались с таким беззаветным мужеством, что поставили Штаубе втупик: он

Гигантские смерчи огня взвились к небу и за-
метались багровыми отсветами в низко нависших
тучах.

терял живую силу без ощутимых результатов. Эсэсовец попытался было связаться с начальником гарнизона и получить от него дальнейшие инструкции, но это ему не удалось: телефонная связь была прервана, а когда он послал одного за другим двух своих ординарцев, они не вернулись.

Поэтому он двинул подкрепление руководящему боем обер-лейтенанту Бюхеру с приказом прорваться к бензобашням во что бы то ни стало.

Гапаридзе, Камнев и Кирьяков прибыли как раз в самый яростный момент атаки немцев.

Гигантские отсветы пламени полыхали среди низко нависших осенних туч, озаряя этот поразительный яростный фронт боя, раздробленный на отдельные участки.

Немцы вскоре поняли, что подступы к бензобашням охраняет горстка людей, и усилили свой натиск.

Чернопятовцам становилось все труднее и труднее. Вот пал один солдат, второй, третий... Легко раненые наскоро делали себе перевязки и опять брались за оружие.

Дважды был ранен комиссар Чернопятов.

Рогов знал о тяжелом положении этой группы, но большую помощь оказать ей не мог. Следовало придерживаться все той же тактики — распылять силы врага организацией отдельных диверсий. Только в этом случае можно было спасти чернопятовцев от полного уничтожения и способствовать работе группы Кравчука.

— Как у вас дела? — спрашивал Рогов лейтенанта. — Ускорьте работы... Закладывайте взрывчатку в уже готовые колодцы...

Но призыв ускорить работы, казалось, был ни к чему: саперы работали, учитывая буквально каждую секунду. И все же, услышав о критическом положении своих защитников, они сумели мобилизовать остатки резерва времени и, спустя пять минут, лейтенант Кравчук доложил Рогову:

— Колодцы готовы... Взрывчатка положена. Жду приказа о взрыве.

Да, бой достиг высшего напряжения.

Подступы к бензобашням охраняли уже только десять бойцов и сам Чернопятков, раненный трижды и на этот раз в лицо осколками мины.

И когда, казалось, все силы у защитников бензобашен иссякли, Чернопятков получил приказ немедленно рассеяться и поодиночке пробираться к пункту общего сбора.

5

Обер-лейтенант Бюхер вдруг увидел, что со стороны партизан прекратилось всякое сопротивление. Поэтому немедля он бросил своих людей в решительный штурм. Немцы рванулись к бензобашням, не встречая на своем пути ни одного партизана, не слыша ни одного выстрела.

Но немцы все бежали и бежали вперед, как вдруг...

...Огромной силы взрыв, потом другой, третий, четвертый, чудилось, потрясли весь земной шар, гигантские смерчи огня взвились к небу и заметались багровыми отсветами в низко нависших тучах.

Обер-лейтенант Бюхер не успел даже сообразить, что же такое случилось: взрывной волной его швырнуло кверху, смяло, раздавило и на землю грохнулся только куль костей и мяса.

Погибла вместе с ним и бóльшая половина его штурмующей роты.

Операция № 6 была завершена.

Майор Рогов отдал приказ об отходе. Десантники и партизаны выходили из боя отдельными мелкими группами и постепенно скрывались в лесу. Гигантские сполохи огня освещали их победный путь.

ЭПИЛОГ

За окнами вагона лежала июньская звездная ночь. Поезд стремительно мчался по донским равнинам.

Не спалось.

Мы стояли у окна, наблюдая за быстро меняющейся панорамой. Стремительно отскакивали назад телеграфные столбы, а степь, как гигантский циферблат, казалось, медленно поворачивалась по кругу, открывая все новые и новые ландшафты.

На горизонте сиял красноватый Марс — далекая планета, родственная нашей земле.

Мы стояли у окна, думали, изредка перебрашивались отдельными словами, пока наше внимание не привлек Герой Советского Союза, генерал-майор, стоявший у соседнего окна и тоже задумчиво глядевший в ночь.

Когда, закуривая, он обернулся к нам, мы сразу в один голос воскликнули:

— Товарищ Рогов!

Мы пожали друг другу руки, потом усадились на стульях и разговорились.

Да, сколько за это время утекло воды!

Сколько перемен! Сколько новых событий!

Война уже скрылась в глубине многих лет, повсюду в нашей стране шло строительство — за-

лечивались раны, нанесенные недавней войной, сооружались новые гигантские стройки коммунизма, преобразовывалась природа, изменялся климат...

Все стремления советских людей, их творческая энергия были направлены на созидательную, счастливую жизнь, а там, за далекими рубежами океанов, уже планировалась новая мировая катастрофа, уже пламя мирового пожара раздувалось в Корее, Вьетнаме, Бирме.

— Помните ли вы Остапа Кравчука? — спросил вдруг генерал Рогов.

Как не помнить этого молодого, энергичного и умного лейтенанта, с которым мы расстались сразу после взрыва бензобашен в Сухове, но о подвигах которого много слышали при штурме Берлина.

— Он недавно закончил академию имени Фрунзе, — продолжал генерал Рогов, — и теперь командует полком. Учит молодых солдат, как надо драться, как бить врага и добивать его, так же, как мы когда-то били его и добились, и опять будем бить и добьем, если кто-нибудь посмеет нарушить нашу мирную, созидательную жизнь. Между прочим, остались служить в армии Гапаридзе и Камнев, Хохлов и Звягинцев. Гапаридзе имеет уже звание капитана, а Звягинцев работает начальником штаба дивизии в звании подполковника.

— А знаете ли вы, что случилось с комиссаром Чернопятовым?

— Конечно, знаю, — ответил Рогов. — С тех памятных пор мы все накрепко сдружились, ведем переписку, бываем друг у друга в гостях... О Чернопятове могу сказать, что это человек

большого мужества. Дело в том, что в последнем бою по взрыву бензобашен он получил рану в лицо и ослеп. Слепой, он приступил к работе над книгой о партизанской войне и успешно закончил ее. Вскоре она выйдет из печати... А Птицын вновь выводит прекрасных орловских рысаков и тяжеловозов.

Рогов закурил, затянулся дымом, и глаза его стали мечтательными и светлыми.

— Недавно была у меня в гостях чета Кирьяковых — Сергей и Вера. И знаете, что сейчас поделявает бывший партизанский разведчик? Он заочно окончил институт имени Баумана, получил диплом инженера.

— Ну, а Вера?

— Она работает сейчас в Казахстане в области полезащитных насаждений. Третьего дня я получил от нее письмо: к зиме собирается домой к своему пятилетнему малышу. Хороший, толстый такой бутуз...

Мы долго беседовали, вспоминая минувшие дни и боевых друзей.

А поезд мчался в ночь, на стыках рельсов стучали колеса, за окнами вагона плыла тихая, необъятная степь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Пролог	3
Глава первая. Прыжок в ночь	6
Глава вторая. Герр Качке	13
Глава третья. Рогов	34
Глава четвертая. Неожиданный поворот	56
Глава пятая. Человек, который ненавидел	83
Глава шестая. Операция № 6	109
Эпилог	125

Редактор *Алексеев М. Н.*
Художник *Балашов Г. А.*
Технический редактор *Соколова Г. Ф.*
Корректор *Субботин Г. П.*

Г52300.   Подписано к печати 9.10.51   Изд. № 1/5386.
Формат бум. 70×92¹/₃₂ 2 б. л.=4,68 п. л. 4,504 уч.-изд. л. Зак. 456.

1-я типография имени С. К. Тимошенко
Управления Военного Издательства Военного Министерства
Союза ССР

Цена 1 р. 25 к.